ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ
СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ
РОССІИ.

Сочиненіе Профессора Московскаго Университета

И. Д. Бѣляева.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи А. Сыркина,
на углу нѣмецкой ул., въ д. Здановича, напротивъ театра.

1867.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ
СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ
РОССІИ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ

РОССІИ.

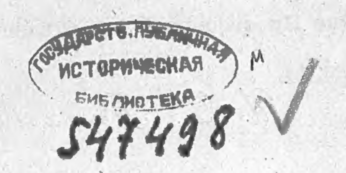
Сочиненіе Профессора Московскаго Университета

И. Д. Бѣляева.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи А. Сыркина,
на углу нѣмецкой улицы, въ домѣ Здановича, напротивъ театра.

1867.

Дозволено цензурою 26 Ноября 1866 года. Вильна.

Въ учебникахъ Русской исторіи судьбы Сѣверо-Западнаго края Россіи, по недостаточной еще разработкѣ этого предмета русскою наукою, излагаются вообще не съ тою полнотою и опредѣленностію во взглядѣ, какъ бы это было необходимо для развитія въ учащихся вѣрныхъ понятій объ исконномъ господствѣ Православія и Русской народности въ здѣшней странѣ. Этотъ важный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ въ особенности ощутителенъ при преподаваніи Русской исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа. Профессоръ Московскаго университета ***Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ,*** желая содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, устраненію означеннаго недостатка, составилъ „Очеркъ исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи,“ доведя событія до 1386 года и рукопись свою принесъ въ даръ Вилен-

скому учебному округу, предоставивъ оному право напечатать это сочиненіе въ томъ количествѣ экземпляровъ, какое признано будетъ необходимымъ для учебныхъ заведеній округа. Принимая таковой даръ профессора И. Д. Бѣляева съ чувствомъ глубочайшей признательности, Попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ сдѣлалъ распоряженіе о напечатаніи означеннаго сочиненія, на первый разъ, въ количествѣ 1200 экз., для безмезднаго распредѣленія ихъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ округа.

Вильна
4 Мая 1867 года.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ РОССІИ.

Сѣверо-западный край Россіи, древнее достояніе Русскаго Полотскаго княжества, этой древнѣйшей доисторической колоніи Новгорода Великаго, обнимаетъ собою пространство: съ юга на сѣверъ— отъ Припети до Балтійскаго моря или до устьевъ Западной Двины, и съ востока на западъ—отъ верхняго теченія Днѣпра до Нарева и устьевъ Нѣмана. Вся эта обширная страна въ доисторическія времена, судя по дошедшимъ до насъ слѣдамъ древнихъ преданій, была раздѣлена между тремя племенами. Именно почти весь западъ и частію югозападъ этаго края принадлежалъ племени Ятвяговъ, жившихъ по лѣвому берегу Нѣмана, отъ рѣки Шары до Ковно; Югъ—отъ Шары по Припети до Березины и вся средина были заняты различны-

ми племенами Литвы, которыя на восточной окраинѣ подходили къ правому берегу Днѣпра въ верхнемъ его теченіи, на сѣверовостокѣ упирались въ лѣвый берегъ Западной Двины, на сѣверо-западѣ сходились съ племенами латышскими, а на западѣ упирались въ Нѣманъ, гдѣ сходились съ Ятвягами; весь сѣверъ по Балтійскому поморью и востокъ по правому берегу Западной Двины принадлежалъ латышамъ, или, по древнему выраженію лѣтописей, Летголѣ. Племена сіи не только не составляли ничего общаго [между собою, но даже каждое племя дѣлилось еще на множество мелкихъ — одноязычныхъ племенъ, нисколько не соединенныхъ другъ съ другомъ и управлявшихся мелкими племенными князьками. По свидѣтельству всѣхъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ извѣстій, племена сіи вели жизнь дикарей, жили по непроходимымъ лѣсамъ и болотамъ, строили себѣ землянки и осѣки, въ которыхъ укрывались отъ непогоды и защищались отъ непріятелей, не знали первоначально ни земледѣлія, ни другихъ промысловъ и пробавлялись лишь звѣроловствомъ, рыболовствомъ и сборомъ меда въ бортяхъ дикихъ пчелъ, даже въ XII вѣкѣ нынѣшняго лѣточисленія еще не знали употребленія воска, который по выпускѣ меда изъ сотовъ, сваливали въ большія кучи и бросали какъ вещь ни на что не годную, — о чемъ прямо свидѣтельствуютъ нѣмецкія лѣтописи, а по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, они и дань платили лыками и вѣниками. Изъ сихъ

племенъ самымъ дикимъ, неукротимымъ и воинственнымъ было племя Ятвяговъ, занимавшее, какъ мы уже видѣли, югозападный край здѣшней страны; племена же Литвы и Летголы хотя не уступали въ воинственности Ятвягамъ, но были не столько дики и рано или поздно могли свыкнуться съ высшей цивилизаціей, ежели она занесена будетъ въ ихъ край.

Въ эту дикую страну, покрытую непроходимыми лѣсами и къ ея дикимъ обитателямъ, еще въ доисторическія времена здѣшняго края, появились колоніи изъ Новгорода Великаго отъ Ильменскихъ Славянъ, или Новгородцевъ, и старѣйшая изъ сихъ колоній — Полотскъ помѣстилась на границахъ Литовскаго племени съ Латышскимъ (съ Летголою), въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Полоты въ Западную Двину. И изъ Полотска, какъ изъ починнаго пункта, Славянская колонизація мало по малу начала распространяться по всему здѣшнему краю, придерживаясь теченія рѣкъ, по которымъ, какъ по дорогамъ, устроеннымъ самою природою, Полочане проникали вглубь непроходимыхъ лѣсовъ и пущей литовской и латышской земли. Другимъ опорнымъ пунктомъ, откуда шла новгородская колонизація здѣшняго края, былъ Смоленскъ, древнѣйшая новгородская Славянская колонія Кривичей. Изъ сихъ двухъ починныхъ пунктовъ тянулись Славянскія колоніи повсему здѣшнему краю, по рѣкамъ Западной Двинѣ и ея притоку Диснѣ, по Березинѣ и наконецъ

по Нѣману и его притокамъ, съ лѣвой стороны по Шарѣ, Зельвѣ и Россѣ, и съ правой стороны по Виліи, Святой, Невѣжѣ, Дубиссѣ, Юрѣ и Руси. Слѣды сихъ древнихъ Славянскихъ колоній Полочанъ и Кривичей дошли до насъ изъ глубокой древности въ названіяхъ рѣкамъ и разнымъ урочищамъ чисто Славянскихъ и частію одинаковыхъ съ назвніями, сохранившимися въ Новгородской землѣ и приднѣпровьѣ,—именно на лѣвомъ берегу Днѣпра, куда также еще въ глубокой древности проникли новгородскія колоніи. Таковы названія приведенныхъ выше рѣкъ въ Литовской и Жмудской землѣ чисто Славянскія: Вилія, Святая, Невѣжа, Дубисса, Юра, Русь; или на сѣверо-востокѣ Полотской земли, въ земляхъ Летголы и частію Литвы:—Западная Двина, которой есть соименница Сѣверная Двина въ Новгородской землѣ, и Дисна, которой одноименница Десна течетъ въ Сѣверской землѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра, колонизованной новгородцами; Наревъ или Наровь въ землѣ Ятвяжской имѣетъ одноименную себѣ Нарову въ Новгородской землѣ,—или рѣка Цна въ Вилейскомъ уѣздѣ, и въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи озеро Свирь имѣютъ одноименниковъ себѣ въ Новгородскихъ владѣніяхъ; или рѣка Бобръ въ Гродненской губерніи и рѣка Бобръ въ Минской губерніи, или рѣка Сула въ Минской губерніи и рѣка Сула въ землѣ Сѣверской, впадающая въ Днѣпръ; или Полотскъ, Полотескъ, древнѣйшая колонія Новгородская въ здѣшнемъ краю, имѣ-

етъ свою одноименную колонію въ Полтовескѣ или по нынѣшнему въ Пултускѣ на рѣкѣ Наревѣ, и на той же рѣкѣ по выше еще Полотская колонія Новгородъ напоминающая Новгородъ Великій. А равнымъ образомъ и для Смоленска, второй древней Новгородской колоніи въ здѣшнемъ краю, есть нѣсколько урочищъ въ нынѣшнихъ Виленской, Минской и Гродненской губерніяхъ, напоминающихъ или Смоленскъ или Смолнянъ. Таковы: Смолинскъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ, Смоленица въ Гродненской губерніи, далѣе Смоляки, Смолянки, Смолевичи и подоб. А Брянскъ Гродненской губерніи напоминаетъ Брянскъ въ Сѣверской землѣ, въ нынѣшней Орловской губерніи, мѣстечко Кривичи въ Вилейскомъ уѣздѣ, и Крево въ Ошмянскомъ уѣздѣ указываютъ прямо на колоніи Кривичей изъ Смоленска; а Новгородъ литовскій или Новгородокъ прямо напоминаетъ о Новгородѣ Великомъ, метрополіи древнихъ Славянскихъ колонистовъ, пришедшихъ въ здѣшній край; или Тверь въ Ковенской губерніи, въ глубинѣ Жмудской земли, напоминаетъ Тверь въ древнемъ Новгородскомъ краю; но всѣ указанія на слѣды древнихъ Полотскихъ и Смоленскихъ колоній въ здѣшнемъ краѣ долго бы было исчислять. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ отъ Днѣпра на западъ по Нѣману и его притокамъ, и на сѣверо-западъ по Западной Двинѣ мы до сего времени, послѣ не исчислимыхъ перемѣнъ, еще находимъ слѣды древнихъ колоній изъ Полотска и Смоленска по всей Литов-

ской землѣ вплоть до устьевъ Нѣмана. Особенно сіи колоніи были густо разсыпаны на югъ отъ Виліи вплоть до Припети, такъ что одинъ Литовскій лѣтописецъ уже прямо называетъ Литовскую землю на югъ отъ Виліи Русскою землею. Кромѣ указаній на древнія Славянскія колоніи въ Литовской землѣ, есть еще указанія, что земля эта управлялась по образцу Новгородской и Смоленской земли; указанія сіи заключаются въ томъ, что многія мѣстности въ Минской и частію въ Виленской губерніяхъ носятъ названіе погостовъ, хотя объ административномъ раздѣленіи Литовской земли на погосты исторія уже не помнитъ. А первоначальное распредѣленіе селеній на погосты принадлежитъ Новгороду.

Колонизація здѣшняго края поселенцами изъ Полотска и Смоленска, начавшаяся въ доисторическія времена, продолжала развиваться и на памяти исторіи. Съ приглашеніемъ Варяго-русскихъ князей Рюрика, Синеуса и Трувора, Новгородцами и ихъ союзниками Кривичами и Чудью, Полотскъ со всѣми своими колоніями въ Литовской и Латышской землѣ былъ уже въ числѣ Русскихъ городовъ, признавшихъ власть приглашенныхъ Варяго-русскихъ князей, и первый Русскій князь Рюрикъ, по свидѣтельству Нестора, послалъ туда для управленія своихъ мужей, какъ сказано въ лѣтописи: „и раздая Рюрикъ мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ; другому Бѣлоозеро.“

Потомъ въ Полотскѣ утвердился пріѣхавшій изъ за моря Варяжскій князь Рогволодъ, кажется мимо Рюрика или его преемниковъ, а собственно только по волѣ Полочанъ. Великій князь Кіевскій Владиміръ Святославичь, правнукъ Рюриковъ, въ 980 году получивши отказъ отъ Рогволодовой дочери Рогнѣды, къ которой онъ сватался, напалъ на Рогволода и въ первомъ же сраженіи убилъ его самого и его сыновей, а на Рогнѣдѣ женился, и Полотскъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Въ послѣдствіи времени Владиміръ, разсорившись съ Рогнѣдою, отослалъ ее въ Полотскую землю вмѣстѣ съ сыномъ ея Изяславомъ, для котораго велѣлъ построить въ его имя городъ Изяславль, и которому отдалъ всѣ тамошнія земли, гдѣ только были колоніи Полочанъ и Кривичей; и съ тѣхъ поръ весь тамошній край, по мѣрѣ Полочанской колонизаціи, началъ называться Русскою землею; и Полочане, заселяя новыя мѣстности въ Литовской или Ятвяжской землѣ, стали обозначать ихъ Русскими названіями; такъ крайній притокъ Нѣмана съ правой стороны, лежащій въ глубинѣ Жмудской земли, къ которому Полочане съ своими поселеніями пришли уже тогда, когда сами стали носить названіе Руси, назвали и притокъ Русью, а также назвали Росью или Россой другой притокъ Нѣмана съ правой стороны въ землѣ Ятвяжской. Или городъ, выстроенный для князя Изяслава, какъ мы уже видѣли, былъ названъ Изяславлемъ, или городъ построенный княземъ Бря-

числавомъ, сыномъ Изяславовымъ, названъ Брячиславлемъ (нынѣ Брацлавъ), или отъ князя Бориса сына Всеславова, городъ, имъ построеный, названъ Борисовымъ.

Колонизируя Литовскую землю, Полочане, слѣдуя правилу принятому Новгородцами, относились мирно къ туземцамъ литвинамъ и привлекали ихъ къ себѣ не силою, а лучшею цивилизаціею, развивая въ нихъ новыя потребности и новыя удобства жизни. Они обыкновенно приходили въ поселья дикихъ литвиновъ или ятвяговъ мирными торговцами, предлагая имъ произведенія улучшенной промышленности въ замѣнъ грубыхъ, необработанныхъ произведеній природы, которыми были богаты сіи дикари; такъ напримѣръ пеструю шерстяную или полотняную ткань, отъ которой у дикаго литвина глаза разбѣгались, отдавали на мѣсто цѣнной звѣриной шкуры, которая литвину была нипочемъ; или дарили литвину топоръ, вещь очень для него нужную, но которой онъ не зналъ гдѣ взять, и просили у него дозволенія сложить на возъ или въ лодью кучу воска, которую онъ считалъ ни куда не годною, которая у него гибла даромъ; или привозили литвинкамъ бусы, ожерелья, перстни, серги и другія женскія украшенія, и разную домашнюю посуду, очень удобную въ хозяйствѣ и пригляднyю, но о которой дикари и понятія не имѣли; и все это мѣняли, разумѣется на вещи цѣнныя, но такія, которыхъ у литвиновъ было очень много, и которыя

дикари считали вещами ничтожными и для нихъ мало нужными. Завязавши такимъ образомъ болѣе близкія сношенія съ дикарями и развивши въ нихъ потребности къ новымъ, прежде незнакомымъ удобствамъ жизни, предпріимчивые и ловкіе Новгородскіе колонисты Полочане съ дозволенія уже знакомыхъ имъ литвиновъ заводили между ними свое поселеніе, строили городокъ, начинали разчищать дикій лѣсъ подъ пашню, и, вспахавши землю, сѣяли хлѣбъ, и, собравши хлѣбъ, осенью варили пиво, пекли пироги и другія кушанья, приглашали въ гости сосѣдей литвиновъ, угощали ихъ своими невиданными для дикарей яствами и питьями, заводили новыя знакомства, дружились и даже роднились съ ними, женя своихъ сыновей на ихъ дочеряхъ, или на оборотъ,— отдавая своихъ дочерей за литвиновъ; приглашали литвиновъ пріятелей селиться въ своихъ поселеніяхъ, пріучали ихъ къ жизни земледѣльческой, выставляя ея выгоды и удобства сравнительно съ жизнію звѣролова; и такимъ образомъ мало-помалу въ дикую лѣсную жизнь литовцевъ вносили Русскую цивилизацію, отучили ихъ отъ жизни дикарей и по немногу обращали ихъ въ Русскихъ людей, во всемъ равняли ихъ съ собою, — въ замѣнъ чего и литвины смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ.

Разумѣется не вездѣ шли дѣла мирно, бывали и ссоры: въ иныхъ мѣстахъ дикари оказывались слишкомъ упорными и неподатливыми на приманки цивилизаціи. Въ такомъ случаѣ дѣло доходило и до

побоищъ. Полочане, гдѣ не брала ласка, употребляли и силу; захвативши какую нибудь неприступную мѣстность, они строили тамъ городокъ и изъ городка отбивались отъ дикарей и отгоняли ихъ отъ своего поселья, а между тѣмъ высматривали удобный случай, или привлечь дикарей къ себѣ, или при помощи другихъ дикарей, своихъ пріятелей и знакомцевъ, пріучать неугомонныхъ забіякъ. А ежели и этого нельзя было сдѣлать, мѣстность же между тѣмъ представляла большія выгоды для поселенія или для торговли, то приводились изъ Полотска или другихъ городовъ новые поселенцы; и такимъ образомъ колонія усиливалась и вступала въ борьбу съ туземцами, продолжавшуюся до тѣхъ поръ, пока туземцы присмирѣютъ или отойдутъ далѣе въ глубину своихъ лѣсовъ. Впрочемъ Полочане и Кривичи прибѣгали къ мѣрамъ строгости почти исключительно только противъ Ятвяговъ, которыхъ за ихъ грабительства и неукротимость не навидѣли не только Полочане и другіе сосѣдніе Славяне, жившіе на югъ отъ Припети, но и сами литвины. А потому колонизація Ятвяжской земли почти исключительно производилась съ бою; Ятвяги не пропускали къ себѣ колонистовъ иначе, какъ только будучи принуждены къ тому силою, или собственно въ Ятвяжской землѣ почти не было колоній, а только сосѣди постепенно оттѣсняли Ятвяговъ, въ глубину ихъ лѣсовъ, и на отобранной у нихъ землѣ строили свои колоніи; Ятвяги бились и съ Русскими и съ Ли-

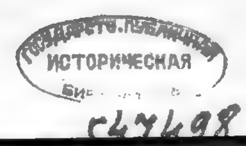
товцами, а съ XIII вѣка и съ Поляками и съ Нѣмцами до тѣхъ поръ, пока всѣ не перевелись, не смотря на упорную борьбу, продолжавшуюся на памяти исторіи около четырехъ-сотъ лѣтъ.

Но кажется Полочане такъ поступали только съ Ятвягами; съ Литовцами же они какъ-то сошлись скоро,—такъ что о какой либо борьбѣ между ними мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; напротивъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, Полочане и Литовцы всегда дѣйствовали за одно и отстаивали одни интересы, одинаково дорогіе и тѣмъ и другимъ. Литовцы чувствовали, что имъ безъ Полочанъ мудрено удержаться и на оборотъ — Полочане всегда видѣли необходимость быть въ тѣсномъ союзѣ съ Литовцами, чтобы отстаивать свою самостоятельность отъ притязанія сосѣдей. Вообще исторія застаетъ Полочанъ и Литовцевъ тѣсно связанными другъ съ другомъ,— хотя и тѣхъ и другихъ остающимися при своемъ языкѣ и при своей религіи, Полочанъ, съ принятіемъ христіанства всею Русью, при христіанской религіи, и Литовцовъ при своей старой языческой религіи,—Полочанъ при своихъ князьяхъ, и Литовцевъ при своихъ князьяхъ, признающихъ первенство великаго князя Полотскаго. Въ этомъ отношеніи Полочане дѣйствовали рѣшительно по новгородскимъ порядкамъ; они не касались ни внутренняго устройства, ни религіи, ни языка литовцевъ, ни ихъ исконныхъ обычаевъ, желая только тѣснаго союза литвиновъ съ Полотскомъ, и предоставляя имъ въ

этомъ союзѣ одинаковыя права съ Полочанами и требуя взаимности отъ Литвиновъ. Но тѣмъ не менѣе сами Литвины, видя превосходство обычаевъ и внутренняго устройства Полочанъ, незамѣтно усвоивали ихъ себѣ, и тѣмъ тѣснѣе соединялись съ Полочанами, роднились съ ними и какъ бы русѣли по мѣрѣ того, какъ больше распространялись между ними Полотскія колоніи. Такъ что южные Литвины, жившіе на лѣвомъ берегу Нѣмана и на югъ отъ Виліи, рѣшительно мало-по-малу обратились въ Русскихъ и болѣе чистый типъ Литовской жизни и обычаевъ сохранился только на Сѣверъ отъ Виліи, гдѣ Полотская колонизація, по отдаленности края, была еще слаба. Но и здѣсь связь Литвиновъ съ Полочанами не разрывалась; слабость Полотскихъ колоній въ здѣшнемъ краѣ только не дозволяла развиваться обрусѣнію здѣшнихъ Литовскихъ племенъ; бытѣмъ не менѣе и здѣсь Полочане для Литвиновъ были свои, а не чужіе, и изъ Жмудской земли тамошніе князцы, при первой надобности, спѣшили на помощь Полочанамъ, и на оборотъ — Полочане помогали Жмудинамъ, какъ своимъ собратамъ. Въ древнихъ памятникахъ нѣтъ и намековъ на какую нибудь вражду Жмудиновъ и Полочанъ; а напротивъ есть указанія, что и въ Жмудскую землю проникали русскіе или Полотскіе обычаи.

Исторія отдѣльнаго самостоятельнаго Полотскаго княжества съ Русскими князьями начинается съ того времени, какъ Владиміръ Святославичь, великій

князь Кіевскій, отпустилъ въ Полотскую землю своего малолѣтняго сына Изяслава съ его матерью Рогнѣдою, дочерью прежняго Полотскаго князя Варяга Рогволода. Съ этого времени Полотскъ со всѣми своими колоніями отдѣлился отъ прочихъ Русскихъ княжествъ, и по смерти Владиміра и Ярослава, великихъ князей Кіевскихъ и всея Руси, уже не подлежалъ раздѣлу между ихъ наслѣдниками, и подобно Новгородской землѣ составлялъ свое отдѣльное княжество Полотское съ своими князьями изъ племени Изяслава Владиміровича. По свидѣтельству Русскихъ и Литовскихъ лѣтописей, Полотскъ, какъ истая колонія Новгородская, управлялся своимъ вѣчемъ какъ до князей, такъ и при князьяхъ. Князья въ Полотскѣ имѣли такое же значеніе, какъ и въ Новгородѣ; они также были властію пришлою и подлежали выбору: вся разница между Новгородскими и Полотскими князьями состояла въ томъ, что Новгородцы выбирали себѣ князей изъ всего потомства Варяга Рюрика, Полочане же только изъ потомковъ Изяслава Владиміровича; притомъ князья, избираемые Новгородцами всегда имѣли у себя отчиныя владѣнія внѣ Новгородской земли, слѣдовательно не много зависѣли отъ Новгородскаго вѣча; напротивъ того потомки Изяслава Владиміровича внѣ Полотской земли не имѣли никакихъ владѣній. слѣдовательно вполнѣ зависѣли отъ Полотскаго вѣча. Мы не имѣемъ ни какихъ подробностей о княженіи перваго князя изъ племени Владимірова, знаемъ только, что

Изаславъ Владиміровичъ скончался въ 1001 году, на другой годъ по смерти своей матери Рогнѣды.

Изяславу Владиміровичу наслѣдовалъ сынъ его Брячиславъ, вѣроятно построившій городъ Брячиславль, нынѣ Брацлавъ въ нынѣшней Виленской губерніи. Брячиславъ въ 1021 году неожиданно напалъ на Новгородскія владѣнія и даже успѣлъ ворваться въ самый Новгородъ, пограбилъ его и съ добычею и плѣнниками отправился домой. Но Ярославъ Кіевскій явился на помощь Новгородцамъ, и не давши еще Брячиславу выйдти изъ Новгородской земли, разбилъ его на рѣчкѣ Судомѣри, принудилъ его оставить добычу и плѣнниковъ и бѣжать въ Полотскъ. Какая была причина нападенія Брячислава на Новгородъ, лѣтописи почти не объясняютъ, но это нападеніе повторялось нѣсколько разъ въ продолженіи всей исторіи Полотска, не только при потомкахъ Брячислава. но и тогда, когда Полотскомъ владѣли князья изъ потомства Миндовга и Гедимина. Между Полотскомъ и Новгородомъ были какія то столкновенія, обыкновенно объясняемыя желаніемъ Полочанъ и Литвиновъ пограбить въ Новгородской землѣ, или, какъ говорятъ иныя лѣтописи, местью потомковъ Изяслава Полотскаго къ потомкамъ Ярослава Великаго. Но вѣроятно были другія какія либо причины, болѣе существенныя, для насъ теперь неизвѣстныя; между Новгородомъ и Полотскомъ всегда была какая то затаенная вражда; замѣчательно, что Новгородцы никогда не приглашали

къ себѣ князей изъ Полотска, хотя по сосѣдству это было бы очень удобно и Полотскіе князья, уже дома привыкшіе къ самоуправству вѣча, едвали бы не были для Новгородцевъ сговорчивѣе, нежели другіе русскіе князья. Послѣ похода на Новгородъ Брячиславъ оставался на всю жизнь въ мирѣ и союзѣ съ Ярославомъ; такъ что Ярославъ, много воевавшій на западѣ, ходившій нѣсколько разъ въ Польшу, ни разу не нападалъ на Полотскія владѣнія; а напротивъ, едва ли не въ союзѣ съ Брячиславомъ, въ 1038 году имѣлъ походъ на дикихъ и неукротимыхъ Ятвяговъ, безпокойныхъ сосѣдей какъ Полотскихъ владѣній въ Литвѣ, такъ и Волынской земли, принадлежавшей Ярославу. Есть также извѣстіе о походѣ Ярослава, на Литву въ 1040 году, съ которой будто бы онъ взялъ дань лыками и вѣниками. О какихъ Литовцахъ здѣсь говоритъ лѣтопись, мы не знаемъ, но по всему вѣроятію о тѣхъ литовскихъ племенахъ, которые жили на югѣ ближе къ Припети по сосѣдству до Волынью и Древлянскою землею и еще не колонизованныхъ изъ Полотска; ибо въ противномъ случаѣ Ярославу нельзя было иначе воевать съ Литвою, какъ въ союзѣ съ Брячиславомъ или на оборотъ прежде вступить въ войну съ Полочанами; но ни о томъ, ни о другомъ нѣтъ извѣстій въ лѣтописяхъ; притомъ, судя по названіямъ урочищъ на лѣвомъ берегу Припети, этотъ край колонизованъ Полочанами въ болѣе позднее время, вѣроятно въ концѣ XI или въ XII столѣтіи; такимъ об-

разомъ походъ Ярослава на Литву почти несомнѣнно должно отнести къ походу на южныя литовскія племена около Припети, еще не колонизованныя изъ Полотска и совершенно дикія, подобныя Ятвягамъ.

Брячиславъ Полотскій скончался въ 1044 году, и его престолъ занялъ сынъ его Всеславъ, о которомъ сказано въ лѣтописи, что онъ родился отъ волхвованія, и при рожденіи волхвы сказали его матери, чтобы она повязала ему на головѣ какой то наузъ, чтобы онъ носилъ его до смерти, и этотъ наузъ, по словамъ лѣтописи, дѣлалъ его немилостивимъ на кровопролитіе. Кто была мать Всеслава, мы положительно не знаемъ, но едва ли она не была литвинка, на что указываютъ приглашенія волхвовъ при рожденіи Всеслава и совѣтъ ихъ матери навязать ему наузъ; между княгинями русскаго происхожденія не говорится въ лѣтописяхъ ни объ одной, которая бы приглашала волхвовъ при рожденіи дѣтей, и по ихъ приказу навязывала бы новорожденному наузы. Въ самомъ характерѣ Всеслава есть много такого, что намекаетъ, если не на литовское его происхожденіе по матери, то по крайней мѣрѣ на воспитаніе въ литовскихъ обычаяхъ; въ его характерѣ между чертами, общими многимъ русскимъ князьямъ, проглядываютъ черты другаго образа жизни. Всеславъ былъ самымъ воинственнымъ неутомимымъ и находчивымъ изъ всѣхъ современныхъ ему князей русскихъ, его воинскіе подвиги, его умѣнье выходить изъ опасностей, и послѣ пораженій

не унывать, а дѣлаться еще сильнѣе, ославили его какъ заколдованнаго человѣка, котораго желѣзо неберетъ и который оборачивается въ сѣраго волка, рыщетъ по полямъ и лѣсамъ невидимкою, и является тамъ, гдѣ его не ждали и ждать не могли. При Ярославѣ Великомъ, Всеславъ слишкомъ десять лѣтъ жилъ мирно, по крайней мѣрѣ не нападалъ ни на Новгородскія, ни на Смоленскія, ни на другія владѣнія въ предѣлахъ Русской земли. По смерти Ярослава также прошло десять лѣтъ, въ которые Всеславъ продолжалъ мирно княжить въ Полотскѣ. Но въ 1065 году онъ вдругъ началъ войну съ Новгородцами ,— и въ 1066 году захватилъ Новгородъ до Неревскаго конца и сожегъ, разбилъ тамошнаго князя Мстислава, сына Изяславова, ограбилъ храмъ Св. Софіи, снялъ колокола и паникадилы, и кромѣ разныхъ богатствъ, захватилъ множество плѣнниковъ, женъ и дѣтей, и никѣмъ непреслѣдуемый, возвратился въ свой Полотскъ. Это нападеніе Всеслава на Новгородъ подняло князей Кіевскаго, Черниговскаго и Переяславскаго; они всѣ вмѣстѣ двинулись на Полотскія владѣнія и подступили къ богатому Полотскому городу Минску, ближайшему къ Кіевскимъ владѣніямъ и, послѣ жестокой битвы взяли этотъ городъ и пошли далѣе къ рѣкѣ Немизѣ. Здѣсь встрѣтилъ ихъ Всеславъ и произошла жестокая сѣча, дорого стоившая обѣимъ сторонамъ, и кончившаяся тѣмъ, что и Всеславъ и его противники должны были отступить. Всеславъ, какъ

говоритъ лѣтопись, бѣжалъ; но и противники, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его, переправились назадъ черезъ Днѣпръ, и цѣлые четыре мѣсяца нераспускали своихъ войскъ, стоя шатрами подъ Оршею. Не надѣясь на успѣхъ въ новой битвѣ, Ярославичи, князья Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій употребили безчестную хитрость; они пригласили Всеслава для переговоровъ въ свой станъ и поклялись честнымъ крестомъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла. А между тѣмъ, когда Всеславъ, положившись на ихъ крестное цѣлованіе, переправился въ лодкѣ черезъ Днѣпръ и вошелъ въ шатеръ Изяслава Кіевскаго, то измѣннически схватили его и увезли въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ его и бывшихъ съ нимъ двухъ его сыновей засадилъ въ порубъ.

Но плѣнъ Всеслава и опустошеніе Минска не имѣли, кажется, ни какихъ послѣдствій для Полотска и другихъ тамошнихъ городовъ: Полочане остались съ своимъ вѣчемъ и съ дѣтьми Всеслава, не попавшимися въ плѣнъ. Самъ же Всеславъ, на другой годъ, былъ выпущенъ изъ поруба Кіевлянами, возмутившимися противъ Изяслава, и посаженъ на Кіевскій престолъ; но жизнь въ Кіевѣ ненравилась для воинственнаго князя и чрезъ семь мѣсяцевъ онъ тайно, ночью, оставилъ Кіевлянъ, вышедшихъ съ нимъ противъ Изяслава къ Бѣлгороду, и ушелъ въ свой родной Полотскъ. Изъ Полотска, на другой годъ, Всеславъ сдѣлалъ набѣгъ на Новгородскія вла-

дѣнія, возмутилъ Вожанъ и съ ними вмѣстѣ подступилъ къ самому Новгороду; но былъ разбитъ Новгородцами на Гзени у звѣринца и самъ попался въ плѣнъ; впрочемъ Новгородцы и ихъ храбрый князь Глѣбъ Святославичъ, уважая храбрость Всеславову, не долго держали его въ плѣну и отпустили на свободу. Кіевскій Князь Изяславъ, пользуясь отсутствіемъ Всеслава, успѣлъ захватить Полотскъ, посадилъ тамъ своего сына Мстислава, а когда тотъ скоро умеръ, то перевелъ туда другаго своего сына Мстислава, Святополка. Всеславъ, возвратившійся изъ Новгородскаго плѣна и оставшійся не причемъ, не потерялъ головы, а напротивъ, мало по малу, сталъ собирать дружину и вѣроятно, при помощи литовцевъ, началъ войну съ княземъ Кіевскимъ и его сыновьями; война эта продолжалась около трехъ лѣтъ. Наконецъ, въ 1071 году, Всеславъ выгналъ Святополка изъ Полотска, и хотя въ томъ же году самъ былъ разбитъ у Голотичска другимъ Изяславовымъ сыномъ Ярополкомъ, тѣмъ неменѣе принудилъ Изяслава заключить съ нимъ миръ и очистить всѣ Полотскія владѣнія, которыя еще оставались въ рукахъ у Кіевскаго князя; даже, какъ говорятъ лѣтописи, вступилъ съ Изяславомъ въ союзъ. Слѣдовательно, по заключеніи этого мира, Всеславъ могъ быть спокоенъ, пока былъ живъ Кіевскій князь Изяславъ; но, съ смертію Изяслава, дѣла перемѣнились: преемникъ его, младшій братъ Всеволодъ, началъ съ Всеславомъ войну и самъ вмѣстѣ съ сво-

имъ сыномъ Владиміромъ Мономахомъ ходилъ подъ Полотскъ; но, кажется, безъ успѣха, потому на зиму того же года вторично посылалъ Мономаха съ Изяславовымъ сыномъ Святополкомъ, которымъ удалось зажечь Полотскъ. Въ отвѣтъ на это, Всеславъ сжегъ Смоленскъ; Мономахъ, посланный отцомъ, хотя спѣшилъ на защиту Смоленска съ Черниговцами, но уже немогъ застать тамъ Всеслава, и, преслѣдуя его, только пожегъ и повоевалъ Полотскую землю до Лукомля и Логожска и около Дрютска. Потомъ, Мономахъ, мстя за сожженіе Смоленска, сдѣлалъ нечаянный набѣгъ съ Черниговцами и Половцами на Минскъ, и въ этомъ набѣгѣ, какъ самъ говоритъ, не оставили въ Минскѣ ни челядина ни скотины. Мстилъ ли за это и какъ мстилъ Всеславъ, памятники объ этомъ ничего не говорятъ; по лѣтописямъ извѣстно только, что онъ скончался въ глубокой старости 14 Апрѣля 1101 года. Но память о подвигахъ Всеслава не умерла вмѣстѣ съ нимъ; о немъ воспѣвали и Русскія народныя былины и пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, жившій въ концѣ XII столѣтія, который въ поэтическомъ образѣ представляетъ Всеслава какимъ то сверхъ естественнымъ человѣкомъ и говоритъ: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады радяше, а самъ въ ночь волкомъ рыскаше, изъ Кіева дорыскаше до Куръ-Тмутораканя. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Св. Софіи въ колоколы; а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша».

По смерти великаго Всеслава, сыновья его не умѣли подѣлить отцовскихъ владѣній и начали междоусобную войну, Глѣбъ завладѣлъ Минскомъ и другими городами по Нѣману, а Борисъ занялъ Полотскъ и города, ближайшіе къ Полотску; двухъ же своихъ братьевъ Романа и Давыда выгнали изъ владѣній и тѣмъ подали случай другимъ Русскимъ князьямъ вмѣшаться въ дѣла Полотской земли. Давыдъ и Романъ Всеславичи, изгнанные изъ отечества, удались къ Черниговскому Князю Олегу Святославичу, который, желая помочь имъ, успѣлъ вооружить на Глѣба Всеславича Минскаго своихъ двоюродныхъ братьевъ Святополка Кіевскаго и Владиміра Мономаха Переяславскаго, и на четвертый годъ по смерти Всеслава, Олегъ Святославичь самъ лично открылъ походъ на Глѣба Минскаго, и съ нимъ Святополкъ послалъ съ своими полками воеводу Путяту, а Мономахъ своего сына Ярополка; съ ними же отправился и Давыдъ Всеславичь; но походъ этотъ рѣшительно не удался, Глѣбъ успѣлъ отразить нападеніе и заставилъ Давыдовыхъ союзниковъ удалиться ни съ чѣмъ. Удачно защитивши собственныя владѣнія, Глѣбъ Всеславичъ сталъ напирать къ Днѣпру и Припети, занялъ Оршу и Копысъ, принадлежавшіе къ Смоленскому княжеству, потомъ началъ воевать жившихъ по Припети Дреговичей, причислявшихся къ Кіевскому княжеству, и сжегъ ихъ городъ Слуцкъ. Владиміръ Мономахъ, тогдашній старшій Князь въ Приднѣпровьѣ, нѣсколько разъ, посы-

лалъ къ Глѣбу съ требованіемъ, чтобы онъ перестал дѣлать набѣги и признал его старѣйшинство между князьями; но Глѣбъ и не думалъ признавать Мономахова старѣйшинства надъ собою и продолжалъ напирать къ Днѣпру и Припети. Тогда Мономахъ въ 1116 году самъ съ своими сыновьями и съ Черниговскими Князьями Давыдомъ Святославичемъ и Ольговичами отправился въ Смоленскъ и оттуда началъ движеніе на Минскіе города; по его распоряженію, сынъ его Вячеславъ взялъ Оршу и Копысъ, а другой сынъ Ярополкъ съ Давыдомъ Святославичемъ заняли Друтскъ, самъ же Владиміръ осадилъ Минскъ, гдѣ заперся Глѣбъ. Владиміръ, чтобы вѣрнѣе вести осаду Минска, началъ строить башню передъ своимъ лагеремъ противъ города: Глѣбъ изъ этого построенія понялъ, что Мономахъ не хочетъ отходить, не взявши Минска и что отсидѣться нѣтъ надежды, и по сему поспѣшилъ вступить въ переговоры съ Владиміромъ, и самъ съ своими дѣтьми и дружиною пришелъ къ нему въ лагерь съ поклономъ, прося мира и обѣщаясь быть у него въ послушаніи. Владиміръ, довольный покорностію, далъ ему миръ и оставилъ княжить въ Минскѣ, обязавъ клятвою быть послушнымъ. Но Глѣбъ, по удаленіи Мономаха въ Кіевъ, не думалъ исполнять клятвы, данной въ крайности; и въ 1119 году Мономахъ снова явился подъ Минскомъ, взялъ городъ съ бою и самаго Глѣба отвезъ плѣнникомъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ, въ томъ же году, и скончался. Послѣ Глѣба,

осталось трое сыновей: Ростиславъ, Володарь и Всеволодъ, которые и подѣлили между собою оставленные за ними Мономахомъ города Минскаго княжества.

Между тѣмъ, князь Давыдъ Всеславичь, первоначально изгнанный братьями и скрывавшійся у Черниговскихъ князей, успѣлъ при чьей-то помощи, или по соглашенію съ Полочанами, воротиться на родину и выгнать изъ Полотска своего брата Бориса. Въ это дѣло вмѣшался Великій Князь Кіевскій Мстиславъ Владиміровичъ, тесть Борисова сына Брячислава, желавшій воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подчинить себѣ Полотскую землю. Онъ въ 1127 году поднялъ на Полотское княжество почти всѣхъ послушныхъ ему князей, которые, по его распоряженію, и вступили въ Полотскія владѣнія четырьмя дорогами: именно четверо князей Вячеславъ Туровскій, Андрей Владиміро-Волынскій, Всеволодъ Городенскій и Вечеславъ Ярославичь изъ Клечска направились съ Изяславомъ; Всеволодъ Ольговичь Черниговскій съ братьями на Стрѣжевъ къ Борисову, и туда же Мстиславовъ воевода Иванъ Войтишиничь съ Торками; Мстиславовъ сынъ Изяславъ изъ Курска съ своимъ полкомъ на Лагожсѣ; а другой сынъ Ростиславъ съ Смольнянами на Друтскъ, и третій сынъ Всеволодъ съ Новгородцами къ Неклочю. Мстиславъ всѣмъ своимъ союзникамъ приказалъ вступить въ Полотскую землю въ одинъ день, 4 Августа; но его сынъ Изяславъ предупредилъ

днемъ, взялъ Логожскъ и промедлилъ тамъ два дни; а въ это время, граждане Изяславля бились съ Вячеславомъ и Андреемъ. Изяславъ, взявши Логожскъ, чрезъ два дни, также отправился къ Изяславлю и привелъ съ собою мужа своей сестры Брячислава Борисовича, который самъ отдался ему, не имѣя возможности дойти до своего отца и боясь попасться въ руки непріятелей. Граждане Изяславля, увидѣвши Брячислава и Логожанъ, пришедшихъ съ Изяславомъ, прекратили сопротивленіе и сдались Вячеславу съ условіемъ, чтобы не отдавалъ городъ на щитъ т. е. на разграбленіе, и обязали его клятвою. Воротиславъ Андреевъ тысячкій и Иванко Вячеславовичъ, чтобы не допустить грабежа, поздно вечеромъ ввели въ городъ своихъ воиновъ; но тѣмъ не спасли города, ибо по утру, только что сдѣлалось извѣстнымъ, что городъ взятъ ночью, то воины Андрея и Вячеслава бросились грабить, такъ что едва можно было спасти имѣніе княгини Мстиславны, отбивая его силою. Полочане, узнавши о разграбленіи Изяславля и боясь той же участи своему городу, выгнали отъ себя князя Давыда Всеславича съ сыновьями, и взявши Рогволода Всеславича, отправились къ Мстиславу просить его, чтобы онъ утвердилъ имъ въ князья Рогволода, обѣщаясь во всемъ быть въ повиновеніи у великаго князя Кіевскаго. Мстиславъ, довольный покорностію Полочанъ, и видя, что они никакъ не хотятъ Бориса, отпустилъ съ ними Рогволода и приказалъ своимъ войскамъ очис-

тить Полотскія владѣнія, а Борисъ чрезъ годъ скончался. Но очевидно условія, на которыхъ Мстиславъ отпустилъ Рогволода въ Полотскъ, были слишкомъ тяжелы, и ни Рогволодъ, ни другіе Полотскіе князья не могли, или не хотѣли исполнять ихъ. А посему, въ 1129 году Мстиславъ приказалъ схватить всѣхъ Полотскихъ князей и отвести въ заточеніе въ Грецію, Полотскія же владѣнія присоединилъ къ Кіевскимъ и послалъ туда своего сына Изяслава.

Впрочемъ, занятіе главныхъ городовъ и высылка попавшихся въ руки князей Полотскихъ еще отнюдь не означала покоренія всей Полотской земли. Кромѣ городовъ, занятыхъ войсками и намѣстниками Мстислава, было еще необозримое пространство непроходимыхъ лѣсовъ, занятыхъ Литовскими племенами и колоніями Полочанъ, дѣйствовавшихъ за одно и признавшихъ Полотскъ своею метрополіею, или главою всей Литовской земли; сами граждане, занятыхъ Мстиславомъ городовъ, уступали только силѣ и не думали признавать его власти или власти его сына, и продолжали сноситься съ своими собратами Литовцами, до которыхъ еще не доходили Мстиславовы войска и у которыхъ, кажется, укрывались нѣкоторые изъ Полотскихъ князей. А посему, вслѣдъ за удаленіемъ главныхъ Мстиславовыхъ войскъ, посаженный имъ въ Полотскѣ сынъ его, Князь Изяславъ, очутился въ Полотскѣ, какъ въ землѣ непріятельской, и долженъ былъ обратиться за помощію къ отцу, чтобы покончить заразъ и съ Полочанами

и съ Литовцами. Мстиславъ, получивши вѣрныя свѣдѣнія отъ сына, что сила Полочанъ скрывается въ Литовской землѣ и что, не покоривъ ее, нельзя спокойно владѣть Полотскомъ, въ 1132 году предпринялъ новый походъ, и съ своими сыновьями, и князьями Черниговскими Ольговичами и съ Всеволодомъ Городенскимъ вступилъ въ землю Литовскую. Но этотъ новый походъ далеко не походилъ на прежній блестящій походъ къ восточнымъ Полотскимъ городамъ: Литовцы не думали защищать своихъ городовъ и селеній и, при приближеніи Мстиславовой рати скрылись въ своихъ непроходимыхъ лѣсахъ и стали выглядывать, гдѣ бы нанести вредъ полкамъ Мстиславовымъ. Ратники Мстиславовы только сожгли брошенныя хозяевами жилища, и нигдѣ не находя противниковъ и истомившись тягостнымъ походомъ, принуждены были воротиться назадъ. Причемъ Мстиславъ и другіе князья, съ своими дружинами, шедшіе съ большою осторожностію, озираясь по бокамъ и взадъ и впередъ, прошли благополучно Литовскія пущи и болота; но отставшіе отъ князей земскіе полки Кіевлянъ были сильно побиты, выступившими изъ своихъ лѣсовъ, Литовцами. Такимъ образомъ, настоящій Мстиславовъ походъ не принесъ ни какой пользы Изяславу, сидѣвшему въ Полотскѣ, Полотскія владѣнія, по прежнему остались непокоренными вполнѣ и ненадежными.

Между тѣмъ, обстоятельства сильно перемѣнились, Мстиславъ, воротившись съ Литовскаго похода, скон-

чался, а его преемникъ на Кіевскомъ престолѣ, братъ его Ярополкъ, желая имѣть въ Переяславлѣ надежнаго князя, въ томъ же году, перевелъ Изяслава изъ Полотска въ Переяславль. Изяславъ, отъѣзжая изъ Полотска, оставилъ тамъ своего брата Святополка, еще очень молодаго князя; но не по силамъ молодаго Святополка было держать нелюбимую власть чужаго князя въ Полотскѣ: лишь только уѣхалъ Изяславъ, какъ Полочане пригласили къ себѣ одного изъ прежнихъ князей, Всеславова внука, Василька Святославича, а Святополку показали путь, сказавши: «ты лишился насъ,» и всѣ Полотскіе города, за исключеніемъ Минска, отложились отъ Кіевскаго Князя и признали власть Василька. Ярополкъ Владиміровичь Кіевскій, чтобы вовсе не лишиться Полотской земли, посадилъ Изяслава въ Минскѣ и придалъ ему Туровъ и Пинскъ; но Изяславу уже не у чего было жить въ Минскѣ, и онъ ушелъ къ своему брату Всеволоду въ Новгородъ, недовольный дядею. И такимъ образомъ Полотская земля вся, по прежнему, сдѣлалась независимою и съ своими отчинными князьями. Впрочемъ, Ярополкъ очевидно не могъ отказаться совершенно отъ Полотскихъ владѣній, и новый Полотскій князь Василько Святославичъ, на первый разъ, долженъ былъ признать нѣкоторую зависимость отъ Кіевскаго князя; ибо въ 1138 году Полочане приходили на помощь къ Ярополку противъ Всеволода Ольговича, князя Черниговскаго. Въ 1140 году возвратились изъ Царь-града двое По-

лотскихъ князей, сосланныхъ туда въ заточеніе Мстиславомъ, кажется Василій и Иванъ Рогволодовичи, а затѣмъ, мало по малу, собрались и остальные Полотскіе Князья, разогнанные нашествіемъ Мстислава.

Походы Мстислава въ 1127 и 1129 годахъ, хотя не покорили окончательно Полотской земли, и по смерти Мстислава, хотя Полочане опять возстановили свою независимость и обзавелись отчинными князьями изъ потомства Всеслава; тѣмъ не менѣе походы сіи имѣли громадное значеніе для будущей судьбы Полотскихъ владѣній. Со времени сихъ походовъ Полотскіе Князья вступили въ болѣе тѣсныя сношенія съ Приднѣпровскими князьями, чаще стали вступать съ ними въ родство и прибѣгать къ ихъ помощи въ спорахъ между собою; такъ что съ этого времени ни одно междоусобіе Полотскихъ князей не обходилось безъ участія Кіевскихъ, Черниговскихъ или Смоленскихъ князей, и сосѣдніе Приднѣпровскіе князья уже не опускали случая пользоваться Полотскими междоусобіями, а на оборотъ и Полочане и ихъ князья, время отъ времени, вмѣшивались въ междоусобія сосѣднихъ Приднѣпровскихъ князей. Вообще, послѣ Мстиславовыхъ походовъ, Полотская земля вышла изъ того отчужденія, въ которомъ она была въ прежнее время. Такъ уже при преемникѣ Ярополка, князѣ Кіевскомъ Всеволодѣ Ольговичѣ, начались брачные союзы между Полотскими и Приднѣпровскими князьями: въ 1143 году Всеволодъ

Ольговичъ женилъ своего сына, знаменитаго въ послѣдствіи Святослава на дочери Полотскаго Князя Василька Святославича, а Переяславскій, прежній Полотскій князь, Изяславъ Мстиславичь выдалъ дочь свою за Полотскаго князя Рогволода Борисовича.

Полотскіе князья, возвратившіеся на родину изъ Греціи и другихъ странъ, сначала довольно мирно доразмѣстились по Полотскимъ удѣламъ и народъ, довольный возвращеніемъ своихъ князей, принялъ ихъ съ радостію; но все это не могло быть продолжительнымъ; съ одной стороны, князья, надѣясь на связи свои въ Приднѣпровьи, не прочь были искать другъ подъ другомъ, а съ другой стороны народъ, привыкшій видѣть князей по выбору вѣча, былъ не на столько миренъ и постояненъ, чтобы помѣнять князей и не дѣлиться изъ за князей на партіи. А по сему едва прошло десять лѣтъ по возвращеніи князей, какъ начались безпорядки и неудовольствія между князьями и народомъ. Первое неудовольствіе въ 1151 году вышло противъ Полотскаго князя Рогволода Борисовича, зятя Изяславова, можетъ быть и посаженнаго при его помощи и тѣмъ больше, что Изяславъ тогда былъ уже Великимъ княземъ Кіевскимъ. Полочане захватили Рогволода, разграбили его имущество и отвезли узникомъ въ Минскъ, на руки его врагамъ Глѣбовичамъ, а въ Полотскѣ посадили княземъ Ростислава Глѣбовича. А чтобы имѣть себѣ поддержку, въ случаѣ ежели Изяславъ Кіевскій вступился за своего зятя, отправили посоль-

ство къ Святославу Ольговичу князю Новгородъ-Сѣверскому, врагу Изяславову, и просили его союза и покровительства, обѣщая имѣть его себѣ отцомъ и ходить въ его послушаньи, и на томъ цѣловали крестъ. Прошло семь лѣтъ, какъ Полочане отсхватили своего князя Рогволода Борисовича и отвезли въ Минскъ, подъ стражу. Долго ли сидѣлъ подъ стражей Рогволодъ, мы не знаемъ, только наконецъ его какъ то освободили и онъ началъ искать вездѣ помощи, чтобы возвратить себѣ владѣнія. — Между тѣмъ, тесть его Изяславъ Кіевскій скончался, а другіе родственники не только не помогли ему, но и послѣднее обобрали; въ такой крайности онъ обратился къ тому же, къ кому семь лѣтъ назадъ обратились Полочане, къ Святославу Ольговичу Новгородъ-Сѣверскому, бывшему уже тогда княземъ Черниговскимъ; и въ 1159 году явился въ Черниговъ, съ просьбою о помощи. Святославъ, по своимъ видамъ находившій выгоднымъ держать хоть въ какой нибудь зависимости Полотскую землю, далъ Рогволоду свой полкъ и отпустилъ искать себѣ волости. Рогволодъ, получивши такую помощь, пришелъ въ Слуцкъ и оттуда началъ сноситься съ жителями Дрютска. Дрючане заявили ему, что они очень рады и просятъ его не мѣшкать пріѣздомъ въ ихъ городъ и готовы за него сложить свои головы; но очевидно не одни Дрючане, а и партія Полочанъ была на сторонѣ Рогволода, ибо когда онъ двинулся изъ Слуцка, то на встрѣчу къ нему выѣхало болѣе трехсотъ лодій

Дрючанъ и Полочанъ. Послѣ такой встрѣчи, Рогволодъ съ торжествомъ былъ введенъ въ Дрютскъ, а бывшій тамъ княземъ Ростиславовъ сынъ Глѣбъ выгнанъ и граждане разграбили его дворъ и дружину. Потомъ, когда Глѣбъ явился къ отцу въ Полотскъ съ несчастною вѣстію о потерѣ Дрютска, то Рогволодова партія Полочанъ немедленно начала мятежъ. Впрочемъ, Ростиславъ ласками, обѣщаніями и многими подарками успѣлъ остановить недружное возстаніе гражданъ и даже обязалъ ихъ крестнымъ цѣлованіемъ оставаться ему вѣрными. Устроившись съ Полочанами, Ростиславъ, пригласивъ своихъ братьевъ Всеволода и Володаря, отправился съ ними къ Дрютску выпроваживать Рогволода. Но Дрючане, вѣроятно усиленные всѣми недовольными правленіемъ Ростислава, рѣшились защищать своего выборнаго князя во что бы ни стало и такъ укрѣпились, что Ростиславъ, простоявъ подъ городомъ нѣсколько времени и потерявъ довольно ратниковъ на приступахъ, наконецъ принужденъ былъ заключить съ Рогволодомъ миръ. по которому не только оставилъ за нимъ Дрютскъ, но еще придалъ нѣсколько волостей къ Дрютску, и затѣмъ возвратился въ Полотскъ, а братьевъ отпустилъ по домамъ.

Между тѣмъ, крамола росла въ Полотскѣ, партія Рогволодова усиливалась и дѣлалась болѣе отважною. Полочане, забывъ недавнюю клятву къ Ростиславу, въ которой клялись не класть на него никакого извѣта и жить съ нимъ по крестному цѣло-

ванію, стали тайно сноситься съ Рогволодомъ Борисовичемъ въ Друтскъ такими рѣчьми; «княже нашъ! согрѣшили мы къ Богу и къ тебѣ, что возстали на тебя безъ вины и все имѣніе твое и твоей дружины разграбили, а тебя самого выдали Глѣбовичамъ на великую муку. Ежели ты не помянешь всего того, что мы сдѣлали безумьемъ своимъ, и крестъ къ намъ поцѣлуешь; то мы твои люди, а ты нашъ князь, а Ростислава выдадимъ тебѣ, дѣлай съ нимъ, что хочешь.» Рогволодъ поцѣловалъ передъ посольствомъ крестъ не поминать стараго. и отпустилъ пословъ въ Полотскъ. Полочане, отобравши клятвенное обѣщаніе отъ Рогволода, повели дѣло противъ Ростислава и съ лестію стали звать его на братчину къ церкви Св. Богородицы Старой на Петровъ день (Братчиною называется общій пиръ въ складчину цѣлымъ городомъ или приходомъ на храмовой праздникъ; таковые пиры въ складчину и теперь соблюдаются во многихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ еще старина не позабылась), чтобы тамъ схватить его. Ростиславъ, увѣдомленный своими приверженцами о замыслѣ Полочанъ, поѣхалъ на братчину, надѣвши подъ платье брони, что замѣтивъ заговорщики, не осмѣлились напасть на него. И такимъ образомъ, Ростиславъ, отправивъ братчину по порядку, уѣхалъ благополучно въ Бѣлчицу (княжее имѣніе неподалеку отъ Полотска), гдѣ обыкновенно онъ жилъ въ лѣтнее время. На другой день по утру, Полочане опять прислали звать его въ городъ,

говоря: «Княже! поѣзжай къ намъ, намъ очень нужно переговорить съ тобою». Ростиславъ, хотя и отвѣчалъ: »а чтоже вчера какъ я былъ у васъ, вы не говорили со мною о томъ, о чемъ хотите говорить теперь» тѣмъ не менѣе, не опасаясь, поѣхалъ въ городъ; какъ на встрѣчу къ нему выѣхалъ изъ города одинъ изъ его служителей и сказалъ ему: «не ѣзди, княже, въ городѣ вѣче; избиваютъ твою дружину и тебя хотятъ схватить.» Получивъ такую вѣсть, Ростиславъ поворотилъ назадъ въ Бѣльчицу и, собравъ всю свою дружину, отправился полкомъ къ брату своему Володарю въ Минскъ, и по дорогѣ шелъ по Полотской волости войною, все опустошая, отнимая скотъ и челядь.

Какъ только удалился Ростиславъ, Полочане послали въ Дрютскъ звать къ себѣ Рогволода, и Рогволодъ немедленно отправился въ Полотскъ, вступилъ въ городъ съ большою честію и сѣлъ на столѣ дѣда своего и отца своего. Слѣдовательно законнымъ княземъ въ Полотскѣ, послѣ Всеслава Великаго, былъ сынъ его Борисъ, а по смерти Бориса его сынъ Рогволодъ. Утвердившись въ Полоцкѣ на отчинномъ столѣ, Рогволодъ началъ готовиться къ войнѣ съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ, утвердившимся въ Минскѣ, также своемъ отчинномъ городѣ; Ростиславъ Мстиславичь Смоленскій, получивъ отъ Рогволода Витебскъ и другіе пограничные съ Смоленскими владѣніями города, прислалъ къ нему въ помощь двухъ своихъ сыновей Романа и Рюрика и воеводу Внѣз-

да съ Смольнянами, Новгородцами и Псковичами, самъ Рогволодъ собралъ рать Полочанъ, и всѣ вмѣстѣ отправились къ Минску, но прежде Минска осадили Ростиславова брата Всеволода Глѣбовича въ Изяславѣ. Всеволодъ, надѣясь на пріязнь къ нему Рогволода, самъ выѣхалъ къ нему и поклонился. Рогволодъ посадилъ въ Изяславлѣ своего брата Брячислава, ибо этотъ городъ былъ ему отданъ еще отцомъ, а Всеволоду далъ Стрѣжевъ. Затѣмъ всѣ отправились осаждать Ростислава въ Минскѣ и стояли подъ городомъ десять дней; но города взять не могли и заключили съ Ростиславомъ миръ и всѣ цѣловали другъ къ другу крестъ, не цѣловалъ только креста Ростиславовъ братъ Володарь Глѣбовичь, ходившій въ то время въ лѣсахъ поднимать Литву на помощь къ Минску. Но миръ, заключенный въ 1159 году, былъ нарушенъ Ростиславомъ въ слѣдующемъ же году; ибо Ростиславъ получивъ помощь отъ Литвы, приведенной Володаремъ, взялъ Изяславль и Стрѣжевъ, а Брячислава заковалъ въ желѣза, Всеволода же засадилъ въ порубъ. Получивъ объ этомъ вѣсть, Рогволодъ пошелъ опять съ Полотскою ратью и съ помощію присланнаго Ростиславомъ Мстиславичемъ, бывшимъ тогда уже княземъ Кіевскимъ, подступилъ къ Минску, и простоявъ безъ успѣха подъ городомъ шесть недѣль, и оставленный Торками, присланными изъ Кіева, заключилъ съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ миръ, по которому Ростиславъ отпустилъ бывшихъ у него въ плѣну, Бря-

числава и Всеволода. Въ 1161 году Рогволодъ опять ходилъ на Ростислава къ Минску, вѣроятно вызванный самимъ Ростиславомъ, и опять заключилъ съ нимъ миръ. Не очевидно походы къ Минску мало приносили пользы, ибо Ростислава нельзя было умирить окончательно, пока братъ его Володарь будетъ сидѣть въ Городцѣ въ сосѣдствѣ съ Литвою и приводить оттуда къ брату полки Литвиновъ. Посему въ 1162 году Рогволодъ съ Полочанами прямо отправился на Володаря. Володарь заперся въ Городцѣ съ Литвою, и по Литовски не показывался цѣлый день, а какъ наступила ночь, то нежданно негаданно ударилъ на Полочанъ и многихъ изъ нихъ избилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ, но больше избилъ. Пораженный такимъ образомъ Рогволодъ обратился въ бѣгство, и сперва бѣжалъ въ Слуцкъ, опасаясь погони, а потомъ, пробывъ тамъ три дни, перебрался въ Друтскъ; въ Полотскъ же не смѣлъ и показаться, ибо подъ Городцемъ погибло много Полочанъ, и съ тѣхъ поръ о Рогволодѣ лѣтописи не упоминаютъ, вѣроятно онъ скоро умеръ, или окончательно оставилъ Полотскую землю и проживалъ у кого нибудь, у приднѣпровскихъ князей.

Полочане, узнавши о пораженіи Рогволода подъ Городцомъ, объявили своимъ княземъ Всеслава Васильковича, внука Святослава Всеславича. Выборъ Полочанъ палъ на Всеслава потому, что онъ состоялъ въ близкомъ родствѣ и союзѣ съ Смоленскими князьями, которые могли помочь ему, въ случаѣ на-

паденія Ростислава Глѣбовича, жестоко обиженнаго Полочанами, или его родныхъ братьевъ, имѣвшихъ связи въ Литвѣ. И ожиданія Полочанъ оправдались, хотя и не вполнѣ. Четыре года, по объявленіи Всеслава Полотскимъ княземъ, Глѣбовичи молчали, можетъ быть, собирая силу; наконецъ въ 1167 году Володарь Глѣбовичь Городецкій, ближайшій сосѣдъ съ Литовцами, составлявшими главную силу Глѣбовичей, собралъ Литву и пошелъ къ Полотску. Всеславъ Васильковичь, не желая подвергать Полотскъ осадѣ, вышелъ съ Полочанами встрѣчать врага въ полѣ; но Полочанамъ и Всеславу было не по силѣ мѣряться съ полулитвиномъ съ полуполочаниномъ Володаремъ; онъ лишь завидѣлъ вышедшихъ противъ него Полочанъ, немедленно ударилъ на нихъ съ своими лѣсными пріятелями Литовцами, не давши имъ построиться и такое произвелъ опустошеніе въ ихъ рядахъ, что Всеславъ, отчаявшись отстоять Полотскъ, ушелъ въ Витебскъ, гдѣ сидѣлъ его шуринъ, Давыдъ Ростиславичъ, (изъ Смоленскихъ князей); но не долго торжествовалъ и Володарь. Онъ, разбивши Всеслава, занялъ беззащитный Полотскъ и заставилъ Полочанъ цѣловать къ нему крестъ, затѣмъ съ своими Литовцами пошелъ къ Витебску на Давыда и Всеслава. Давыдъ, поджидая себѣ въ помощь брата своего Романа съ Смольнянами, чтобы задержать Володаря, выступилъ изъ города и сталъ защищать переправу черезъ рѣку. Между тѣмъ, Володарь отыскалъ уже бродъ и по литовскому обычаю поло-

жилъ ночью ударить на Давыда; но страшная ночная гроза, разразившаяся въ то самое время, какъ ратники его стали бродиться черезъ рѣку, остановила суевѣрныхъ лѣсовиковъ Литовцевъ, они шарахнулись назадъ и уперлись. Дружина Володаря, видя что съ испуганными грозой Литовцами ничего не подѣлать, стала говорить ему: «чего ты стоишь, княже! и не ѣдешь прочь, вонъ уже Романъ бродится черезъ рѣку, а отсюда Давыдъ» и Володарь, послушавъ совѣтовъ дружины, ночью же побѣжалъ отъ Витебска. На утро Давыдъ, увидѣвъ бѣгство своего врага, послалъ за нимъ погоню, и хотя догнать не могъ, тѣмъ не менѣе многихъ блудящихъ по лѣсу забралъ въ плѣнъ и отправилъ Всеслава въ Полотскъ. И такимъ образомъ Полотскъ остался за Всеславомъ, и надежда Полочанъ на помощь изъ Смоленска оправдалась; бѣжавшій Володарь не могъ уже уговорить Литвы на новый походъ. Послѣ чего, Полотскіе князья, т. е. владѣвшіе собственно Полотскомъ, поступили въ опеку къ Смоленскимъ князьямъ. И когда въ 1178 году князь Мстиславъ Ростиславичъ Новгородскій вздумалъ было идти на Всеслава къ Полотску мстить обиду, нанесенную Новгородцамъ Всеславомъ великимъ, прадѣдомъ Всеслава Васильковича, сто лѣтъ тому назадъ, и уже пришелъ съ Новгородцами на Луки, то Романъ Ростиславичъ Смоленскій, услышавъ объ этомъ, отправилъ сына своего Мстислава въ Полотскъ на помощь къ Всеславу, а къ князю Новгородскому послалъ

сказать: «ежели ты пойдешь на Всеслава, то прежде иди на меня, а я не дамъ Всеслава въ обиду.» И Мстиславъ Ростиславичь принужденъ былъ отложить свой походъ на Полотскъ.

Но Смоленская опека не дешево стоила Полочанамъ и ихъ князьямь изъ дому Святослава Всеславича; они, во первыхъ, должны были окончательно уступить Смоленскимъ князьямъ важный Полотскій городъ Витебскъ, владѣніе которымъ давало Смолнянамъ открытую дорогу въ Полотскъ; потомъ, въ слѣдствіе этой опеки, Полочане и ихъ князья волей неволей должны были принимать участіе въ переворотахъ и междоусобіяхъ Смоленскихъ князей, и посему подвергаться нападеніямъ тѣхъ сосѣдей, которые были въ войнѣ съ Смолнянами. Такъ напримѣръ, за пособіе Смоленскимъ Князьямъ въ войнѣ съ Новгородцами, Новгородцы въ 1168 году отплатили Полочанамъ походомъ на Полотскъ, въ которомъ сильно опустошили Полотскую волость, и только тридцати верстъ не доходили до Полотска. И наконецъ, что всего важнѣе, собственно Полотскіе князья, поступивши въ опеку къ Смоленскимъ князьямъ, тѣмъ самымъ отдѣлились отъ другихъ князей Полотской земли и стали къ нимъ во враждебныя отношенія; а другіе князья Полотской земли вступили въ союзъ съ Черниговскими князьями, врагами Смоленска. И такимъ образомъ Полотская земля раздѣлилась на три враждебные союза: первый союзъ съ Литвою самый старѣйшій и естественный

для Полотскихъ князей; второй союзъ съ Смоленскими князьями, болѣе выгодный для Смоленска, чѣмъ для Полотской земли, и третій союзъ съ Черниговскими князьями, выгодный потолику, поколику Черниговскіе князья были соперниками Смоленскимъ къ большей запутанности и съ тѣмъ вмѣстѣ къ большему вреду Полотской земли. Союзы сіи мѣнялись, одни и тѣ же Полотскіе князья держались, то Чернигова, то Смоленска, то Литвы. Такъ Всеславъ Васильковичь, такъ много обязанный Смоленскимъ князьямъ, перешелъ на сторону Черниговскихъ, которые помогли ему воротить Витебскъ къ Полотску и посадили тамъ Всеслава брата Брячислава Васильковича. И въ 1180 году, во время войны Святослава Черниговскаго съ Смоленскими князьями, когда Святославъ, братъ Ярослава, напалъ на Друтскъ, то Васильковичи, Всеславъ изъ Полотска и Брячиславъ изъ Витебска, явились къ нему на помощь съ полками Литвы и Ливи, другіе же Полоцкіе князья: Всеславъ Микуличь изъ Логожска, Андрей Володиминичь съ племянникомъ Изяславомъ и Василько Брячиславичь, изъ домовъ Глѣба и Рогволода, совокупившись вмѣстѣ пошли мимо Друтска, чтобы загородить дорогу Святославу, спѣшившему съ Новгородскими войсками; и вслѣдъ за тѣмъ Давыдъ Ростиславичь Смоленскій вступилъ въ Друтскъ и соединившись съ княземъ Глѣбомъ Рогволодовичемъ изъ дома Борисова, пошелъ въ обходъ Ярославу, чтобы дать ему битву до соединенія съ Святосла-

вомъ. Ярославъ, замѣтивъ это, занялъ твердыя мѣста и цѣлую недѣлю не вступалъ въ битву, поджидая своего брата Святослава. Когда же Ярославъ успѣлъ соединиться съ братомъ и другими своими союзниками и начали гатить рѣку Друть, чтобы дать битву Давыду и его союзникамъ; то Давыдъ бѣжалъ въ Смоленскъ и затѣмъ Друтскъ былъ взятъ Святославомъ и отданъ одному изъ союзниковъ Святославовыхъ изъ Полотскихъ князей.

Ближайшимъ слѣдствіемъ этой войны было то, что Полотскіе Князья, союзники Черниговскихъ князей, посредствомъ Литвы, стали тревожить Давыдова брата Рюрика Ростиславича въ Туровѣ и Овручѣ; такъ что онъ рѣшительно былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ Литвою, и тѣмъ самымъ оказывался слабѣйшимъ предъ Святославомъ Черниговскимъ. За таковый вредный для Ростиславичей Смоленскихъ союзъ съ Черниговскими князьями, Давыдъ Ростиславичъ въ 1186 году соединясь съ Новгородцами, Логожскимъ Княземъ Василькомъ Володаревичемъ и Друтскимъ Всеславомъ, пошелъ на Полотскъ. Полочане, неожидавшіе такого нашествія и не успѣвшіе увѣдомить Черниговскихъ своихъ союзниковъ, вышли на границу съ поклономъ и дарами и заключили съ Давыдомъ миръ отъ имени вѣча, и по этому миру уступили Витебскъ Давыдову зятю Ростиславу Святославичу, внуку Глѣба Минскаго. Ярославъ Черниговскій, не желая оставить безъ помощи своихъ союзниковъ въ Полотской землѣ,

нѣсколько разъ посылалъ къ Рюрику Ростаславичу, старшему брату Давыда, чтобы Давыдъ воротилъ Витебскъ прежнему Витебскому князю; но Давыдъ сіи требованія оставлялъ безъ удовлетворенія. А посему въ 1195 году Ярославъ снарядилъ рать и послалъ съ нею своихъ племянниковъ выгонять Давыдова зятя изъ Витебска, туда же явились съ своими дружинами иПолотскіе князья,Ярославовы союзники. Въ происшедшей битвѣ съ Давыдомъ Смоленскимъ, Полочане взяли въ плѣнъ Давыдова племянника Мстислава Романовича и отдали Дрютскому князю Борису, у котораго выпросилъ его Олегъ Святославичь и послалъ вѣсть къ Ярославу въ Черниговъ, что Давыдовъ полкъ разбитъ. Послѣ чего, Ярославъ вступилъ въ переговоры състаршимъДавыдовымъ братомъ Рюрикомъ Ростиславичемъ Кіевскимъ и по симъ переговорамъ Витебскъ былъ возвращенъ Полотскимъ князьямъ, бывшимъ въ союзѣ съ Черниговскими князьями. Но тѣмъ не прекратилась вражда Полочанъ къ Смоленскимъ князьямъ: въ 1198 году они вмѣстѣ съ Литвою напали на Новгородскія владѣнія, гдѣ княжилъ Смоленскій князь Ярославъ, и сожгли посады у Великихъ Лукъ. Впрочемъ, Полочане одни съ сосѣднею Литвою, безъ другихъ союзниковъ, были очень слабы, чтобы вести войну съ Новгородомъ и Смоленскомъ; и когда Новгородцы за сожженіе посадовъ у Великихъ Лукъ, пошли на Полотскъ, то Полочане вышли къ озеру Касплѣ съ поклономъ и заключили миръ, по которому вѣроятно должны бы-

ли отступиться отъ союза съ Черниговскими князьями, противниками Смоленскихъ князей. Что было послѣ этого мира между Смоленскомъ и Полотскомъ, объ этомъ мы неимѣемъ извѣстій; но очевидно годъ отъ года Полотскіе князья болѣе и болѣе поступали въ зависимость отъ Смоленскихъ князей. Смоленскій князь Мстиславъ Давыдовичь въ 1230 году, заключая мирный торговый договоръ съ Ригою и Готскимъ берегомъ, уже включилъ въ этотъ договоръ князей Полотскаго и Витебскаго, какъ владѣтелей, подчиненныхъ Смоленскому Князю. Въ доворѣ сказано: «тая правда взяти латиненскому у Русской земли, у волости Князя Смоленскаго, и у Полотскаго Князя въ волости и у Витебскаго князя въ волости.»

Такимъ образомъ, въ началѣ XIII столѣтія, Полотскіе князья утратили свою самостоятельность и поступили въ зависимость къ Смоленскимъ князьямъ; а еще прежде они потеряли важную Полотскую волость, прилегавшую къ устьямъ Западной Двины; эта важная потеря совершилась слѣдующимъ образомъ: Въ 1186 году, съ дозволенія одного изъ Сѣверныхъ Полотскихъ князей, по имени Владиміра, Нѣмцы, торговавшіе въ Ливоніи еще съ 1158 года, заняли устье Западной Двины и построили тамъ нѣсколько укрѣпленій съ цѣлію крестить въ Латинскую вѣру Ливовъ или Ливонцевъ, бывшихъ еще язычниками (ибо Полочане, подобно Новгородцамъ никогда не принуждали своихъ данниковъ перемѣ-

нять вѣру). Съ начала Нѣмецкія колоніи были очень незначительны и, по видимому, нисколько не нарушали власти Полотскихъ князей надъ тамошнею страною; ибо Ливы, по прежнему, платили дань Полотскимъ князьямъ; но въ какіе нибудь двадцать лѣтъ поселившіеся здѣсь Нѣмцы, стараніями своего знаменитаго епископа Альберта, устроили у себя рыцарскій орденъ меченосцевъ, который постоянно пополнялся пришельцами изъ Германіи, и при помощи этого ордена такъ усилились, что отняли два Полоцкихъ княжества въ устьяхъ Двины Кукейносъ и Герсинъ. Литовцы язычники, тѣснимые Нѣмцами, искали помощи у старшаго Полотскаго князя, какъ исконнаго верховнаго властителя Ливоніи; но тотъ, запутанный въ междоусобія своихъ родственниковъ, и вѣроятно не крѣпкій на Полотскомъ престолѣ, не сдѣлалъ для Ливонцевъ ничего, и довольный обѣщаніемъ Нѣмцевъ, что дань съ Ливовъ будетъ платиться исправно въ Полотскую казну, заключилъ съ Нѣмцами миръ и, такимъ образомъ, самъ отдалъ всю Ливонію въ полное распоряженіе Нѣмцевъ. Нѣмцы, освободившись отъ вмѣшательства Полотскаго князя, окончательно покорили Ливъ и другія тамошнія племена, въ слѣдъ за тѣмъ вытѣснили бывшія тамъ Полотскія колоніи и перестали платить Полотскому князю обѣщанную дань, и такимъ образомъ сдѣлались полными владѣльцами тамошняго края.

Несчастныя междоусобія, накликавшія на Полот-

скую землю вмѣшательство сосѣднихъ Русскихъ князей, неопредѣленность отношеній между княземъ и народомъ и потеря Ливоніи, страны особенно важной для Полотской торговли, произвели то, что Полотскія князья, потомки Всеслава великаго, годъ отъ года теряли свое значеніе, какъ у другихъ князей, такъ и у своихъ подданныхъ Русскихъ и Литовцевъ, которые уже не видѣли въ нихъ защитниковъ Полотской земли, а скорѣе смотрѣли на нихъ, какъ на виновниковъ невыгоднаго и зависимаго положенія своей родины. Современникъ событій, знаменитый пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, вѣрно рисуетъ паденіе Полотскихъ князей, потомковъ Всеслава, и причину этого паденія: «Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ (Литовцевъ). Одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи и шеломы Литовскіе, притрепа славу дѣду своему Всеславу; а самъ подъ черлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; одинъ изрони жемчужную душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье. Уныли голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городенскіе. Ярославе и вси внуци Всеславли! уже опустить вамъ свои знамена, вложить въ ножны свои иззубренные мечи! Вы уже выточили изъ дѣдней славы. Вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на Русскую землю на жизнь (достояніе) Всеславича.» Кто былъ Изяславъ, сынъ

Васильковъ, притрепавшій славу дѣда своего Всеслава въ войнахъ съ Литовцами и погибшій въ сихъ войнахъ? мы на это не имѣемъ никакихъ извѣстій въ дошедшихъ до насъ памятникахъ. Но кто бы онъ ни былъ и когда бы онъ ни воевалъ съ Литовцами, одно вѣрно то, что племенные Литовскіе князья, прежде незначительные и послушные Полотскимъ князьямъ, къ концу XII столѣтія, начали дѣлаться замѣтными и годъ отъ года пріобрѣтать болѣе расположенія какъ отъ Русскихъ колонистовъ въ Литовской землѣ, такъ и отъ Литовцевъ, а по Литовскимъ князьямъ, выдвигавшимся впередъ и все населеніе, какъ Русское, такъ и Литовское, стало принимать общее названіе Литвы; такъ что въ прочихъ Русскихъ земляхъ и Полочане иногда стали называтьья Литовцами. Такъ напримѣръ, подъ 1239 годомъ, читаемъ въ лѣтописи: «Ярославъ Всеволодовичь Суздальскій ходилъ къ Смоленску на Литву, и Литву побѣдилъ и князя ихъ захватилъ, и посадилъ въ Смоленскъ князя Всеволода Мстиславича.» А Литовскій ихъ князь, о которомъ говоритъ здѣсь лѣтопись, былъ никто иной, какъ Святославъ Мстиславичь, внукъ Романа Ростиславича Смоленскаго, захватившій Смоленскъ, при помощи Полочанъ и Литвы; слѣдовательно, въ настоящемъ извѣстіи подъ Литвою, должно разумѣть вообще и Полочанъ и Литовцевъ, а отнюдь не однихъ Литовцевъ; а о таковомъ смѣшеніи Полочанъ и Литовцевъ, лѣтописи съ конца XII столѣтія представляютъ много

свидѣтельствъ, по которымъ можно ясно прослѣдить, какъ мало по малу Полотская земля у нашихъ лѣтописцевъ обратилась въ Литовскую землю, не перемѣняя своихъ прежнихъ жителей и не измѣняя ихъ отношеній другъ къ другу. Литовцы и Русь и въ XIII столѣтіи жили вмѣстѣ въ такихъ же отношеніяхъ другъ къ другу, какъ въ X, XI и XII столѣтіяхъ, только, вмѣсто измельчавшихъ потомковъ Всеслава, явились племенные Литовскіе князья.

Литовцы съ своими племенными князьями, выдвинутые напередъ крамолами Полотскихъ князей и своеволіемъ Полотскаго вѣча, сперва заявляли себя поданіемъ воинской помощи тому или другому Полотскому князю, во время ихъ междоусобій; ибо большая часть Полотскихъ князей отнимала другъ у друга престолы, при помощи охотниковъ до грабежа Литовцевъ. Помогая Полотскимъ князьямъ, Литовцы съ тѣмъ вмѣстѣ обыкновенно получали дозволеніе грабить и опустошать земли противниковъ того князя, которому они помогали, и по мѣрѣ развитія междоусобій между Полотскими князьями, грабежи и воинскіе набѣги Литовцевъ годъ отъ года увеличивались и распространялись даже внѣ Полотской земли, на владѣнія сосѣднихъ князей Смоленскихъ, Черниговскихъ, Кіевскихъ и Волынскихъ, и на владѣнія Псковскія и Новгородскія. Набѣги сіи и грабежи, какъ мы уже видѣли, предпринимались и одними Литовцами и сообща съ Полочанами. Въ концѣ XII столѣтія. особенно сильны были

набѣги на владѣнія Кіевскія и Волынскія, въ которыхъ Литовцы нерѣдко дѣйствовали вмѣстѣ съ дикими Ятвягами. Набѣги сіи вызвали дѣятельнаго и воинственнаго Волынскаго князя Романа Мстиславича на нѣсколько походовъ противъ Литвы и Ятвяговъ, которыми страшно были опустошены земли Литовская и Ятвяжская; такъ что о Романѣ сложилось преданіе, что онъ запрягалъ Литвиновъ въ соху. Ближайшимъ слѣдствіемъ сихъ походовъ было то, что Литовскія племена, прежде разрозненныя, теперь, не находя ни какой защиты и поддержки отъ измельчавшихъ потомковъ Всеслава, начали думать о соединеніи и дружныхъ дѣйствіяхъ противъ враговъ. И первое извѣстіе объ общемъ союзѣ и дружной дѣятельности Литовскихъ племенъ, по нашимъ лѣтописямъ, мы находимъ подъ 1215 годомъ, гдѣ сказано, что всѣ Литовскіе князья прислали къ наслѣдникамъ Романа Волынскаго общее посольство для заключенія мира. Литовскіе князья, участвовавшіе въ отправленіи сего посольства, и слѣдовательно бывшіе въ общемъ Литовскомъ союзѣ, по свидѣтельству лѣтописи, были слѣдующіе: старѣйшіе князья собственно Литовскіе: Живинъбудъ, Давьятъ, Довъспрункъ, братъ его Мидогъ и братъ Давьяловъ Виликаилъ; Жмудскіе князья: Ерьдивилъ, Выкынтъ; князья племени Рушьковичей: Кинтибутъ, Вонибутъ, Бутовитъ, Вижѣикъ и сынъ его Вишлій, Китеній, Пликосова; князья племени Булевичевъ: Вишимутъ, котораго и его братьевъ

Едивила и Спрудѣйка убилъ Миндовгъ, а жену его взялъ себѣ; князья племени Дяволтвы: Юдьки, Пукѣакъ, Бикши и Ликіикъ. Всѣ сіи князья заключили миръ и союзъ съ наслѣдниками Романа Даніиломъ и Василькомъ; и первымъ слѣдствіемъ сего союза было то, что Даніилъ въ томъ же 1215 году навелъ Литву на Ляховъ, гдѣ Литовцы произвели страшныя опустошенія и убійства. Такимъ образомъ, Литовскіе князья лишь почувствовали свою силу, то немедленно перемѣнили съ одной стороны мѣсто дѣйствія, т. е. перенесли дѣятельность Полотской земли съ востока на югозападъ, съ приднѣпровья къ среднему теченію Нѣмана, а съ другой стороны перемѣнили и союзъ съ сосѣдними Русскими князьями, вмѣсто Смоленскихъ и Черниговскихъ князей, вступили въ тѣсныя сношенія съ Волынскими и Полотскими князьями и вошли въ ихъ интересы; но какъ истые преемники потомковъ Всеслава, они не могли остаться безъ союза съ тѣми и другими Русскими князьями. Для Литовскихъ князей, союзъ съ русскими былъ необходимостію, которая условливалась всею исторіею Полотской и Литовской земли; Литву тянула къ Руси сама исторія, сама жизнь; въ теченіи вѣковъ Литва такъ сроднилась и срослась съ Русью. что не могла безъ нее жить. Войны и разбойническіе набѣги, какъ они ни были часты, не могли разорвать этой связи, сложившейся вѣками.

Выступленіе Литовскихъ князей на поприще

исторической дѣятельности въ сущности неизмѣнило значенія Полотской и Литовской земли: земля сія, по прежнему, осталась Русскою землею, перемѣнилась только династія князей; но и самые князья, по происхожденію Литвины, по значенію своему были Русскими князьями; перемѣнилось только имя названіе, дѣло же, сущность дѣла, остались прежнія Русскія; точно также какъ Славянскія племена Русской земли, съ прибытіемъ Варяго-Русскихъ князей, стали называться Русскими и самая земля, ими занимаемая, получила названіе Русской земли, но отъ новаго названія Славянскія племена не перестали быть Славянскими племенами и не перемѣнили ни своего устройства, ни языка. Литовскіе князья даже не воевали съ потомками Всеслава, не истребляли ихъ, а жили спокойно вмѣстѣ и даже роднились съ ними, пока потомки Всеслава не перевелись сами собою. Въ Полотской или Литовской землѣ все оставалось по прежнему; по прежнему, господствующимъ языкомъ былъ Русскій языкъ, а не Литовскій, по прежнему, въ разныхъ Полотскихъ удѣлахъ, уже называвшихся Литовскою землею, сидѣли оставшіеся еще потомки Всеслава; такъ въ 1240 году въ Полотскѣ былъ княземъ Брячиславъ, на дочери котораго женился князь Новгородскій, знаменитый Александръ Невскій, или въ 1235 году княземъ Новгородка Литовскаго былъ Изяславъ; по прежнему, Литва и Полочане за одно воевали съ Смоленскими князьями и вмѣшивались въ Смоленскія дѣла, такъ

мы уже видѣли, что въ 1232 году Литва и Полочане по смерти Мстислава Давыдовича Смоленскаго, посадили въ Смоленскѣ Святослава Мстиславича, или въ 1258 году Литва и Полочане ходили къ Смоленску и взяли на щитъ Воищину и оттуда грабили подъ Торжкомъ, или въ 1262 году первый Полотскій князь изъ Литвиновъ Товтивилъ, съ Полочанами и Литвою, приходилъ на помощь къ Новгородцамъ противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ.

Между Литовскими князьями особенно усилился князь Миндовгъ, изъ племени Булевичевъ; онъ мало по малу подчинилъ себѣ всѣхъ князей какъ Литовскихъ, такъ и потомковъ Всеслава, и сдѣлался великимъ княземъ всей Литовской и Полотской земли; но недовольный еще признаніемъ за собою старѣйшинства между князьями, онъ хотѣлъ удалить всѣхъ князей, чтобы одному владѣть всею Литовскою землею, и началъ дѣло удаленія съ своихъ ближайшихъ родственниковъ и съ этого цѣлію въ 1252 году послалъ своихъ племянниковъ Товтивила и Ердивида съ своимъ дядею Викинтомъ на Русь воевать около Смоленска, и отпуская ихъ сказалъ: «что завоюете, тѣмъ владѣйте»; а между тѣмъ захватилъ всѣ ихъ богатства и владѣнія, и послалъ за ними погоню, чтобы поймать и убить ихъ. Тѣ же, получивъ объ этомъ вѣсть отъ своихъ пріятелей, бѣжали во Владиміръ Волынскій къ своимъ родственникамъ по сестрѣ, къ князьямъ Даніилу и Васильку Романовичамъ, ибо за Даніиломъ была

ихъ сестра. Даніилъ и Василько приняли ихъ подъ свое покровительство, послали къ польскимъ князьямъ сказать, что пришло время христіанамъ общими силами воевать на поганыхъ, ибо у нихъ началось междоусобіе. Поляки обѣщались, но не исполнили обѣщанія; тогда Даніилъ и Василько послали Викинта къ Ятвягамъ и въ Жмудь и къ Нѣмцамъ въ Ригу поднимать ихъ на Миндовга. Викинтъ дарами и серебромъ успѣлъ привлечь къ себѣ многихъ Ятвяговъ и половину Жмуди, и Нѣмцы написали къ Даніилу, что ради тебя, мы сотворимъ миръ съ Викинтомъ, хотя онъ многихъ погубилъ изъ нашихъ братій, и обѣщались идти на помощь къ Товтивилу. Даніилъ и Василько, получивъ такія вѣсти, послали Товтивила съ Русью и Половцами на соединеніе съ Нѣмцами, а самъ съ братомъ Василькомъ началъ воевать около Волковыска, Слонима и Берстова. Миндовгу приходилось крайне плохо; чтобы выпутаться изъ бѣды, онъ тайно послалъ письмо къ Магистру Ливонскаго ордена, въ которомъ писалъ, что желаетъ принять Латинское крещеніе и крестить всю Литву. Магистръ далъ знать объ этомъ папѣ, и отъ папы вышло повелѣніе, чтобы Ливонскіе нѣмцы не воевали съ Миндовгомъ, а напротивъ защищали его отъ враговъ. По этому повелѣнію папы, Нѣмцы перешли на сторону Миндовга, и онъ, усилившись такимъ образомъ, самъ напалъ на владѣнія Жмудскаго князя Викинта, и война затянулась на три года. Хотя Миндовгу посред-

ствомъ даровъ и удалось отклонить Жмудь и Ятвяговъ отъ союза съ Даніиломъ; тѣмъ неменѣе Даніилъ продолжалъ войну и только въ 1255 году Миндовгову сыну Воишелгу удалось заключить миръ съ Даніиломъ и выдать за мужъ свою сестру, Миндовгову дочь, за Даніилова сына Шварна.

Послѣ этого мира, Миндовгъ, при посредствѣ Воишелга, вступилъ въ самый тѣсный союзъ съ Даніиломъ; и когда Воишелгъ, принявши крещеніе у Даніила въ Холмѣ, поступилъ въ монахи, то Миндовгъ Воишелгово княжество Новгородокъ Литовскій отдалъ Даніилову сыну Роману и къ тому придалъ еще Слонимъ, Волковыскъ и другіе города, съ тѣмъ, чтобы онъ владѣлъ всѣмъ этимъ отъ имени Миндовга. Такимъ образомъ Миндовгъ какъ бы самъ готовилъ соединеніе Литвы съ Волынью и Галичемъ, и желая угодить Даніилу, по его настоянію, отдалъ Полотскъ, Товтивилу и помогалъ Даніилу, въ войнѣ съ Ятвягами въ 1256 году, а въ 1258 году посылалъ свои полки, подъ начальствомъ воеводы Хвала и Ручковичскаго князя Сирчевица въ помощь Даніилу во время его похода на татарскаго темника Куремсу. Но миръ съ Миндовгомъ былъ непродолжителенъ. Татарскій темникъ Бурундай, занявшій мѣсто Куремса, привелъ съ собою большое войско и въ 1260 году пошелъ на Литву; Даніилъ какъ то успѣлъ уклониться отъ этого татарскаго похода; но братъ его Василько, волей неволей, долженъ былъ вмѣстѣ съ татарами идти на Литву. Походъ этотъ не при-

несъ никакой пользы Татарамъ, но разсорилъ Миндовга съ Романовичами и породилъ войну между Литвою, Волынью и Галичемъ; Миндовгъ лишилъ Даніилова сына Романа княжества Новогородка Литовскаго и захватилъ въ плѣнъ самаго Романа.

Но война съ Романовичами, какъ съ своими, не столько тяготила Миндовга и его подданныхъ, сколько тяготилъ ихъ союзъ съ Ливонскими и Прусскими нѣмцамии папою. Съ Романовнчами, какъ съ своими, можно было мириться и воевать, не опасаясь за самостоятельность и независимость; ибо, во всякомъ случаѣ, здѣсь можно было вмѣшать всѣхъ Русскихъ князей и уладить дѣло безобидно для обѣихъ сторонъ. Но совсѣмъ другое значилъ союзъ съ Нѣмцами чужеземцами, имѣвшими въ виду постоянно усиливать свою власть, и за которыми стояла цѣлая Германія и еще Папа, владыка всей Западной Европы. Хотя Нѣмцы и Папа короновали Миндовга и назвали королемъ; но въ тоже время старались поставить его въ зависимость и отъ себя, и думали смотрѣть на короля Миндовга, не какъ на самостоятельнаго государя, а какъ на вассала Римской церкви и Германіи. Умный и ловкій Миндовгъ скоро замѣтилъ это и чтобы обмануть Нѣмцевъ, сталъ писать къ нимъ письма, въ которыхъ разсыпался въ благодарности за ихъ покровительство и помощь, уступалъ Нѣмецкому ордену свои земли въ Куроніи, Жмуди и у Ятвяговъ, а также сулилъ послѣ своей смерти всю Литовскую землю отказать тому же ор-

дену; но въ тоже время приносилъ жертвы идоламъ своей старой вѣры и нисколько не думалъ оставаться латинскимъ христіаниномъ, а лишь искалъ случая разорвать всѣ связи съ Нѣмцами и Папой. Наконецъ, въ 1260 году, Миндовгъ скинулъ личину, которою обманывалъ Нѣмцевъ, и, собравъ многочисленное войско изъ Литовцевъ, Русскихъ, Жмуди, Ятвяговъ и другихъ своихъ подданныхъ, ворвался въ Мазовію, сжегъ Плоцкъ, опустошилъ всю тамошнюю страну, и вслѣдъ за тѣмъ вступилъ въ Пруссію, и началъ жечь всѣ города, построенные тамъ Нѣмецкими рыцарями и избивать всѣхъ латинскихъ христіанъ и, награбившись до сыта, воротился домой съ богатою добычею. Потомъ, въ томъ же году, Литовцы, соединившись съ Пруссами, возставшими на Нѣмцевъ, напали на орденскую Нѣмецкую крѣпость Кармовинъ, которую защищали два войска крестоносцевъ,—Прусское и Ливонское, (т. е. Нѣмецкаго и Ливонскаго орденовъ). Неподалеку отъ этой крѣпости, на рѣчкѣ Дурбѣ, орденскія войска вступили въ битву съ Литовцами и Пруссами, были разбиты на голову, потеряли магистра Ливонскаго и Маршала Прусскаго и множество рыцарей; а Литовцы взяли крѣпости Кармовинъ и Гейльсбургъ. Этотъ успѣхъ Литовцевъ противъ Нѣмецкаго ордена, поднялъ новокрещенныхъ Пруссовъ; они явно отказались отъ латинскаго христіанства и выбрали себѣ въ начальники какого-то Глиппйна, начали избивать всѣхъ латинянъ, жившихъ

въ ихъ краю, рѣзать латинскихъ священниковъ и жечь церкви. Миндовгъ, получивши вѣсть о Прусскомъ возстаніи, самъ отрекся отъ латинскаго христіанства и королевскаго титула и съ сильнымъ войскомъ вступилъ въ орденскія Прусскія владѣнія. Чтобы отвлечь Миндовга, собралось въ нижней Пруссіи многочисленное войско латинянъ, изъ Поляковъ, Нѣмцевъ и иныхъ крестоносцевъ, и вступили въ земли Жмуди и Ятвяговъ. Но Литовцы и Пруссы, разузнавши чрезъ лазутчиковъ о расположеніи этого войска, напали на обозы, которые были плохо защищены, и овладѣли ими. Латиняне, узнавши о потерѣ своихъ обозовъ, воротились назадъ и около обозовъ завязалась страшная сѣча, кончившаяся тѣмъ, что Поляки, Нѣмцы и другіе крестоносцы были обращены въ бѣгство, потерявши множество рыцарей и прочихъ воиновъ, частію убитыми, частію попавшимися въ плѣнъ. Литовцы и Пруссы, торжествуя побѣду, принесли одного изъ плѣнниковъ, Нѣмца, въ жертву своимъ языческимъ богамъ. Нѣмцы еще было собрали войско, но опять были разбиты; и въ слѣдъ за тѣмъ Литовцы и Пруссы завладѣли четырьмя орденскими крѣпостями. Въ то время, какъ главное войско Миндовга вмѣстѣ съ Пруссами страшно громило орденскія владѣнія, другое его войско, вступившее въ Польскую землю, опустошило Мазовію и большую часть Куявіи, и возвратилось домой съ такою огромною добычею и съ такимъ множествомъ плѣнниковъ, что въ это время въ Литвѣ плѣнные Ляхи продава-

лись по гривнѣ за голову, а Литвины и Русскіе между собою мѣняли ихъ на коровъ, лошадей и другую скотину. Такъ-то расчитался хитрый Миндовгъ съ своими коварными союзниками Нѣмцами и ихъ пособниками Ляхами.

Но дни Миндовга были уже изочтены. Его самовластіе и неразборчивость въ средствахъ давно уже были тягостны для его ближайшихъ родственниковъ, братьевъ и племянниковъ, усердно служившихъ ему въ подчиненіи другихъ Литовскихъ князей; ибо, по мѣрѣ того, какъ переводились другіе Литовскіе князья, Миндовгъ самовластнѣе поступалъ съ своими родственниками, такъ что никто изъ нихъ не былъ увѣренъ въ безопасности, не только своего достоянія, но и самой жизни, а между тѣмъ военная служба, годъ отъ года, дѣлалась тяжелѣе и невыносимѣе. Наконецъ, одинъ слишкомъ рѣзкій и оскорбительный поступокъ Миндовга съ однимъ родственникомъ рѣшилъ все дѣло. У Миндовга въ 1262 году умерла жена, о которой онъ очень тужилъ; онъ пригласилъ къ себѣ ея родную сестру, бывшую въ замужествѣ за княземъ Нальщанскимъ Довмонтомъ, чтобы поплакать вмѣстѣ. А когда та пріѣхала, то онъ сказалъ ей: «сестра твоя, умирая, наказала мнѣ жениться на тебѣ; потому что ты будешь ласковѣе до ея дѣтей, чѣмъ другая» и за тѣмъ оставилъ ее у себя. Довмонтъ сильно оскорбился такимъ наглымъ отнятіемъ жены и сталъ думать, какъ

бы убить Миндовга и, чтобы дѣйствовать вѣрнѣе, уговорилъ къ тому же Миндовгова племянника отъ сестры Треняту князя Жмудскаго. Между тѣмъ, Миндовгъ, не подозрѣвая заговора, въ 1263 году, отправилъ всѣ свои войска за Днѣпръ на князя Романа Брянскаго, съ которымъ у него давно была ссора изъ за Полотскихъ и Смоленскихъ границъ. Въ этотъ походъ, по приказу Миндовга, отправился и Довмонтъ; но съ дороги воротился, сказавши: «волхвы не велятъ мнѣ идти.» Воротившись назадъ, Довмонтъ незамѣтно вошелъ въ домъ Миндовга, и тамъ убилъ его и его двухъ сыновей, вѣроятно, малолѣтнихъ. Воишелгъ, старшій Миндовговъ сынъ, жившій въ Новгородкѣ Литовскомъ, узнавши объ этомъ, бѣжалъ въ Пинскъ, къ тамошнимъ князьямъ, бывшимъ въ союзѣ съ покойнымъ Миндовгомъ и съ князьями Волынско-Галицкими. Великимъ же княземъ Литовскимъ сдѣлался Жмудскій князь Тренята, соучастникъ Довмонтовъ. Этотъ Тренята, желая владѣть одинъ, пригласилъ къ себѣ Полотскаго князя Товтивила, своего двоюроднаго брата, сказавши ему такъ: «пріѣзжай, братъ, подѣлимъ землю и добытокъ Миндовга.» Товтивилъ, пріѣхавши къ Тренятѣ, сталъ думать, какъ бы убить Треняту, а Тренята думалъ, какъ бы убить Товтивила. Между тѣмъ, одинъ бояринъ Прокопій Полочанинъ открылъ Тренятѣ о замыслахъ Товтивила; и тотъ, не откладывая въ даль, приказалъ убить Товтивила, и началъ княжить одинъ, потомъ

четверо конюховъ Миндовговыхъ убили Тренята, когда онъ шелъ въ баню.

Услышавши объ этомъ послѣднемъ убійствѣ, старшій Миндовговъ сынъ Воишелгъ, долго нерѣшавшійся снять съ себя монашеское платье и оставить монастырь, наконецъ надѣлъ воинскую броню и съ ратью, данною Пинскими князьями, взялъ Новгородокъ Литовскій, потомъ, присоединивши къ своей рати любившихъ его Новгородцевъ, отправился далѣе въ Литву и вездѣ былъ принятъ съ радостію Литвинами, какъ прямой наслѣдникъ знаменитаго Миндовга, и Русскими, какъ Православный, и началъ княжить надъ всею Литвою и избивать своихъ враговъ, и многихъ изъ нихъ избилъ, а многіе разбѣжались по разнымъ странамъ. Главными помощниками, для утвержденія Воишелгова владычества въ Литвѣ, были Даніилъ Галицкій и Василько Волынскій, которые прислали къ Воишелгу Даніилова сына Шварна съ своими полками. Съ этою помощію, Воишелгъ покорилъ себѣ всѣ города въ Девялтвѣ и въ Нальщанахъ, и истребилъ всѣхъ своихъ и отцовскихъ враговъ. Затѣмъ Воишелгъ принялъ Шварна къ себѣ въ соправители и далъ ему во владѣніе Новгородокъ Литовскій, свое отчинное княжество; потомъ, проживъ еще четыре года и наскучивъ мірскимъ управленіемъ, удалился по прежнему въ монастырь, а великимъ княземъ Литовскимъ объявилъ Шварна, называя его сыномъ, а Василька Волынскаго величая отцомъ, за ихъ по-

мощь, оказанную въ нуждѣ. Но не долго Шварну Даніиловичу пришлось княжить въ Литвѣ; онъ скоро умеръ, а вслѣдъ за тѣмъ былъ убитъ и Воишелгъ Львомъ Даниловичемъ Галицкимъ, давно на него злобствовавшимъ. Въ Литвѣ снова начались междоусобія и искательства, въ которыхъ кажется принималъ участіе и ЛевъДаниловичьГалицкій,желавшій сдѣлаться великимъ княземъ Литовскимъ; наконецъ, послѣ многихъ споровъ былъ выбранъ въ великіе князьяТройденъ,изъ племениЖмудскихъ князейУтенуса.

Тройденъ сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ въ 1270 году и первоначально жилъ мирно съ Львомъ Даниловичемъ Галицкимъ, кажется, помогавшимъ ему при выборѣ въ князья; по свидѣтельству одной Литовской лѣтописи, онъ даже отдалъ Льву своего сына на воспитаніе. Но дружба эта была непродолжительна и притомъ ограничивалась только Львомъ Даниловичемъ; съ Владиміромъ же Васильковичемъ Волынскимъ, Тройденъ былъ въ постоянной враждѣ и велъ почти непрерывную мелкую войну. Наконецъ въ 1274 году онъ поссорился и со Львомъ и въ самый день Пасхи неожиданно взялъ его городъ Дрогичинъ и перерѣзалъ всѣхъ; изъ за чего началась эта ссора, по памятникамъ неизвѣстно. Левъ, мстя за нападеніе, поднялъ на Тройдена Татаръ; по его просьбѣ Ханъ Менгу-Темиръ далъ Льву Татарскую рать и велѣлъ всѣмъ Волынскимъ, Приднѣпровскимъ и Заднѣпровскимъ князьямъ идти войною на Литву. Эта война продолжалась около трехъ

лѣтъ и много убытку нанесла обѣимъ сторонамъ и кончилась миромъ, впрочемъ непродолжительнымъ. Въ 1277 году Волынскіе и Галицкіе князья, опять воевали въ Литвѣ; но уже не по своей волѣ, а по приказанію Хана Ногая, приславшаго свои войска, и какъ только ушла Татарская рать, опять помирились съ Тройденомъ и помирились окончательно. Въ это время, Литовская земля значительно усилилась языческими Пруссами и Бортами, которые были вытѣснены Нѣмцами изъ своего отечества и пришли къ Тройдену просить земли подъ поселеніе; и Тройденъ поселилъ ихъ около Городка и Слонима.

Тройденъ, окончательно помирившись съ Волынскими и Галицкими князьями, началъ воевать съ Польшею и Нѣмецкимъ орденомъ, которые страшно тѣснили Пруссовъ. Въ 1278 году, онъ посылалъ съ своимъ братомъ Сирпутьемъ рать на Ляховъ, тѣснившихъ Ятвяжскую землю. Тройденова рать, соединясь съ Ятвягами, страшно опустошила страну около Люблина, и возвратилась домой съ большою добычею. Потомъ Тройденовы Литовцы сожгли у Поляковъ городъ Ленчицу. Между тѣмъ, у Пруссовъ не переставали войны съ рыцарями Нѣмецкаго ордена, и Нѣмцы годъ отъ года усиливались; Тройденъ, желая помочь Пруссамъ, не замедлилъ принять участіе въ этихъ войнахъ и послалъ туда своего сына съ Литовскою ратью; а самъ въ тоже время велъ постоянную мелкую войну съ Ливонскими рыцарями и продолжалъ дѣлать нападенія на сосѣднія Полот-

скія области, опустошая ихъ нечаянными набѣгами, и въ этихъ постоянныхъ войнахъ прокняжилъ двѣнадцать лѣтъ, и заслужилъ отъ Поляковъ и Нѣмецкихъ рыцарей имя жестокаго тирана и мучителя. На самомъ же дѣлѣ, Тройденъ былъ передовымъ бойцомъ, защищавшимъ восточную Европу отъ напора Латинства и Нѣмечины. Ежели бы Тройденъ не велъ постоянной мелкой войны съ Поляками и Ливонскими рыцарями и не посылалъ своихъ войскъ на помощь Пруссамъ; то Поляки и Нѣмцы, подъ видомъ обращенія въ Латинство, тогда же бы истребили всѣхъ Пруссовъ.

Въ 1282 году Тройденъ былъ убитъ заговорщиками, заслуживъ благодарность отъ своихъ Литвы и Руси и отъ сосѣдей Прусовъ. Послѣ Тройдена не осталось сыновей; и Великимъ княземъ Литовскимъ былъ избранъ Витенъ, родомъ изъ Жмудскихъ князей, но съ малолѣтства воспитанный при Тройденѣ, и слѣдовательно свыкшійся съ Русскими обычаями и языкомъ, господствовавшими при дворѣ Литовскихъ князей. Этотъ Витенъ, какъ Русскій по воспитанію и незнавшій другой жизни, кромѣ Русской жизни, и окруженный съ малолѣтства Русскими и обрусѣлыми Литвинами, жилъ въ мирѣ и согласіи со всѣми Русскими князьями; такъ что за его время въ лѣтописяхъ рѣшительно неупоминается о Литовскихъ набѣгахъ на сосѣднія Русскія княжества. Современники называютъ Витена умнѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ изъ всѣхъ мужей, жившихъ при Ли-

товскомъ дворѣ и въ послѣднее время заправлявшимъ всѣми дѣлами при Тройденѣ. Сдѣлавшись Великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, по смерти Тройдена, Витенъ продолжалъ дѣло своего предшественника въ отношеніи къ Полякамъ и Нѣмцамъ и всю жизнь провелъ въ войнахъ съ Польшею, Прусскимъ и Ливонскимъ орденами нѣмецкихъ рыцарей, защищая несчастныхъ Пруссовъ и удерживая напоръ Латинства и Германизаціи къ востоку Европы. Въ первый же годъ своего княженія Витенъ, подозрѣвая Кенигсбергскаго командора въ участіи съ убійцами Тройдена, напалъ на Кенигсбергскую область Нѣмецкихъ рыцарей и страшно опустошивъ ее, воротился домой съ большою добычею. Въ отвѣтъ на этотъ набѣгъ, Нѣмецкіе рыцари изъ Пруссіи подъ начальствомъ Кенигсбергскаго командора ворвались на слѣдующій годъ въ Литовскую землю сожгли двѣ Литовскихъ крѣпости, а отъ третьей были отбиты. На это Витенъ отвѣчалъ, въ томъ же году набѣгомъ на Куявію и пожегши и пограбивши окрестности Бржещца, спокойно воротился домой съ добычею и плѣнниками. Куявскій и Ленчицкій польскіе князья съ Прусскимъ Магистромъ Менгардомъ хотя было и собрались преслѣдовать его; но справившись о Литовской и Русской силѣ, не рѣшились сдѣлать нападенія и воротились по домамъ ничего не сдѣлавши. Между тѣмъ новокрещеные Пруссы вступили въ тайный союзъ съ Витеномъ противъ Нѣмцевъ, чтобы напасть на нихъ съ двухъ

сторонъ; но Нѣмецкій Магистръ Менгардъ, какъ то прозналь объ этомъ союзѣ, и быстрымъ походомъ въ Кенигсбергъ смириль Пруссовъ прежде, нежели Витенъ успѣлъ подать имъ помощь. За тѣмъ, на другой годъ, Нѣмецкіе рыцари, подъ начальствомъ Рагнетскаго командора Отто, взяли пограничную Литовскую крѣпость Мингеденъ; въ отвѣтъ на это Витенъ вошелъ въ орденскія владѣнія и опустошалъ ихъ въ продолженіи 80 дней; потомъ, по указанію Мазовецкаго князя Болеслава, сжегъ Ленчицу, а Ленчицкаго князя Казимира разбилъ и убилъ въ сраженіи. И таковые взаимные набѣги продолжались почти ежегодно; ни Нѣмцы, ни Литовцы не уступали другъ другу въ опустошеніяхъ. Наконецъ, въ 1303 году, Нѣмцы, пополнивши свои полки множествомъ бродячихъ воиновъ, стекавшихся въ Пруссію изъ разныхъ краевъ Германіи, ворвались двумя ратями въ Литовскую землю и успѣли опустошить ее въ Гартинскомъ и Градскомъ округахъ. Такимъ образомъ, взаимныя опустошенія Нѣмецкихъ рыцарей и Литовцевъ продолжались во все правленіе Витена, и ни рыцари не могли утвердиться въ опустошаемыхъ Литовскихъ областяхъ, ни Литовцы въ орденскихъ земляхъ, и границы тѣхъ и другихъ владѣній оставалисъ одни и тѣ же. Война, по видимому, тянулась изъ за однихъ грабежей и взаимной ненависти воюющихъ; въ сущности же здѣсь шла борьба на смерть для отраженія Латинства и Германизаціи стремившихся проникнуть въ Русско-

Литовскую землю; и Витенъ своими набѣгами успѣлъ защитить Русскую землю отъ напора Поляковъ и Нѣмцевъ. Витенъ, въ продолженіе своего княжествованія, также удачно сдерживалъ Нѣмцевъ со стороны Ливоніи; но здѣсь онъ думалъ дѣйствовать болѣе наступательно: такъ въ 1286 году онъ двинулъ Литву и Жмудь прямо къ Ригѣ, и потомъ, отбитый отъ Риги, ходилъ въ землю Летголы и осаждалъ тамошній городъ Медвѣжью Голову, но и отсюда принужденъ былъ отступить, не взявши города; тѣмъ не менѣе Литва и Жмудь страшно опустошили пройденную страну и возвратились домой съ большою добычею. На это нашествіе Ливонскіе нѣмцы отвѣчали набѣгомъ на Жмудскую землю; а Жмудь и Литва мстили Ливонскимъ Нѣмцамъ вторичнымъ набѣгомъ на ихъ земли, и такимъ образомъ взаимные набѣги повторялись нѣсколько разъ и кончились, какъ и въ Пруссіи, взаимными опустошеніями, границы же Литвы и Ливоніи оставались неизмѣнными: ни та, ни другая сторона не уступали другъ другу.

Во все правленіе Витена, Литовцы и Русь, занятые войнами съ Польшей и Нѣмецкими рыцарями, внутри своей земли, жили по прежнему, какъ и при старомъ Миндовгѣ. Границы Литовско-Русскихъ владѣній со всѣхъ сторонъ оставались старыя; разные города и области, какъ древне русскіе, такъ и Литовскіе, управлялись своими князьями или Русскими изъ Всеславова поколѣнія, и даже изъ дру-

гихъ Русскихъ родовъ, (такъ въ 1292 году, Волковыскъ былъ отданъ Мстиславу Владиміровичу, князю Волынскому), или Литовскими изъ разныхъ поколѣній. Князья сіи, хотя и признавали власть великаго князя Литовскаго; но были болѣе или менѣе самостоятельными владѣльцами, какъ это было и между Русскими князьями въ старое время. Литовскіе князья иные принимали христіанство Православнаго исповѣданія и строили Православныя церкви, другіе оставались язычниками, но всѣ не навидѣли латинство; бояре и народъ также состояли и изъ Православныхъ христіанъ и изъ язычниковъ, латинства же не терпѣли, какъ враждебнаго и Русской и Литовской народности. Русскіе и Литвины жили вмѣстѣ какъ одинъ народъ, какъ братья одной семьи, господствующимъ языкомъ былъ Русскій; онъ употреблялся и при дворахъ князей и въ дѣлахъ управленія, всѣ лучшіе образованные литвины говорили и писали по русски; все устройство общественное, порядки и законы были Русскіе. И вся эта страна, начиная отъ крайнихъ восточныхъ границъ до крайнихъ западныхъ, отъ верховьевъ Двины до устьевъ Нѣмана и отъ границъ Ливоніи до Припети, представляла старую Русскую землю, занятую колоніями Полочанъ и Кривичей и старыми поселеніями Литвиновъ; съ тою только важною разницею, что теперь и колонизаторы Кривичи и Полочане сравнялись окончательно съ старожильцами Литвою и Жмудью, что теперь Литва и Жмудь пере-

стали быть дикарями, а начали и сами строить города и селиться въ русскихъ городахъ, и окончательно приняли тогдашнюю русскую цивилизацію. Главная разница между Литвиномъ и Русскимъ состояла только въ языкѣ и религіи; впрочемъ, при господствѣ Русскаго языка, при княжескихъ дворахъ и въ общественномъ управленіи, Русская рѣчь была уже знакома большей части Литвиновъ, по крайней мѣрѣ, городскихъ; а ни Русская церковь не враждовала противъ стараго Литовскаго язычества, ни язычество противъ Русской церкви, и многіе Литвины крестились. Набѣги Литовцевъ на сосѣднія Русскія княжества, бывшіе при Миндовгѣ, въ послѣдствіи, какъ мы уже видѣли, прекратились; и при Тройденѣ и Витенѣ даже такіе слабые и незначительные Русскіе князья, какъ Пинскіе и Степанскіе оставались независимыми и самостоятельными, не смотря на свое ближайшее сосѣдство съ Литовскими владѣніями. Литовцы этого времени уже не были тѣми лѣсными грабителями, какими были въ былое время. И ежели ихъ величаютъ дикарями, звѣрями и варварами Польскіе и другіе западные лѣтописцы; то это только потому, что они не принимали латинства, которое имъ навязывали и лестію и силой. Правду сказать, Литовцы въ это время еще не спускали Полякамъ и Нѣмцамъ и страшно опустошали ихъ земли, тысячами гоняли оттуда плѣнниковъ и иногда можетъ быть жестоко поступали съ ними; но и Нѣмцы и Поляки поступали нисколько не лучше, жестокости

были взаимныя, и Литовцы только отплачивали зломъ за зло, грабежемъ за грабежъ. Да и въ этихъ дѣлахъ, Литовцы, дѣйствуя вмѣстѣ съ Русскими, были гораздо снисходительнѣе Нѣмцевъ, по свидѣтельству даже Нѣмецкихъ и Польскихъ лѣтописцевъ, они не избивали плѣнниковъ, а только уводили ихъ съ собою; тогда какъ Нѣмцы не рѣдко, взявши какой нибудь Литовскій городъ, мужественно имъ сопротивлявшійся, истребляли несчастныхъ жителей до послѣдняго младенца, въ чемъ не уступали имъ и Поляки, вырѣзывавшіе поголовно сосѣднихъ имъ Ятвяговъ. Самую войну съ Поляками и Нѣмцами Литовцы вели не по прежнему, они уже руководимые Русскими, выучились брать города и знали какъ укрѣплять свои границы. По всему рубежу отъ Польши и Нѣмцевъ, у Литовцевъ въ это время уже были построены и вновь устроялись города и крѣпости по Русскому образцу; такъ, что Нѣмцы и Поляки, врываясь въ Литовскую землю, всегда были задерживаемы сими городами и никогда не могли далеко углубляться внутрь страны. Вообще Литва этого времени была родною сестрою Руси, и несла съ нею одинакую службу въ отношеніи къ общему отечеству, къ Русской землѣ: какъ Русь на югѣ и востокѣ билась съ кочевыми варварами и сколько могла ограждала Русскую землю; такъ Литва или вѣрнѣе Литовская Русь билась съ Латинствомъ и Нѣмечиной, злѣйшими врагами всякой другой національности.

По смерти Витена, великимъ княземъ Литовскимъ

сдѣлался Гедиминъ; о Гедиминѣ есть два преданія: по одному онъ былъ конюшимъ Витена, и убивши его сдѣлался великимъ княземъ, а по другому, онъ былъ сыномъ Витена и наслѣдовалъ ему послѣ того, какъ Витена убило громомъ. Первое преданіе, кажется, ближе подходитъ къ истинѣ; ибо самъ Гедиминъ въ своихъ грамотахъ, нигдѣ не называетъ Витена отцомъ, а только предмѣстникомъ, или предшественникомъ. Но какъ бы то ни было, только съ 1305 года началъ княжить въ Литвѣ Гедиминъ. Гедимину пришлось начать своё княженіе продолженіемъ безконечныхъ войнъ съ Нѣмецкими рыцарями и Польшею. На другой же годъ его княжествованія Прусскіе и Ливонскіе рыцари, собравши большое войско, ворвались въ Жмудскую землю и, захвативши ее въ расплохъ, немедленно построили тамъ два города, надѣясь удержать за собою захваченное и даже привели жителей къ присягѣ. Гедиминъ, хорошо понимая всю важность и весь вредъ для Литовской земли, отъ новыхъ Нѣмецкихъ крѣпостей, на другой же годъ, съ большимъ войскомъ, состоящимъ изъ Литвы и Руси, двинулся въ Жмудскую землю. Прусскіе и Ливонскіе рыцари, вмѣстѣ съ покоренною ими Жмудью выступили противъ Гедимина и на рѣчкѣ Отменѣ дали сраженіе, въ которомъ были на голову разбиты; и Гедиминъ не только очистилъ Жмудскую землю отъ непрошеныхъ гостей, но и самъ ворвался въ Прусскія владѣнія, взялъ города Рагнету и Тильзитъ, и опустошивъ тамошній край

воротился домой съ множествомъ плѣнниковъ. И въ тотъ же годъ, пользуясь безпорядками въ Польшѣ, Гедиминъ опустошилъ великую Польшу, взялъ города Калишъ и Ставишинъ, и возвратился домой съ многими тысячами плѣнниковъ; затѣмъ и въ слѣдующемъ году полки Литовскіе и Русскіе опустошали земли Серадскую и Калишскую и воротились домой съ огромнѣйшею добычею. Между тѣмъ, магистръ Прусскаго ордена, пользуясь походомъ Литовцевъ въ Польшу, отхватилъ часть Литовской земли и построилъ тамъ два замка, чтобы удержать взятое. Гедиминъ лишь только получилъ вѣсть объ этомъ, немедленно самъ отправился разрушить Нѣмецкіе замки на Литовской землѣ и выгнать Нѣмцевъ, а сына своего Ольгерда послалъ опустошать Прусскія орденскія владѣнія, который въ точности исполнилъ отцовское приказаніе, жестоко наказалъ Нѣмцевъ и воротился домой съ огромною добычею. Такъ прошли первые четыре года Гедиминова княжествованія. Въ продолженіи 1310 года Нѣмцы были заняты упорною войною въ Помераніи и посему не могли мстить за Ольгердовъ набѣгъ; и годъ этотъ прошелъ для Литвы спокойно. За то въ слѣдующемъ 1311 году Гедиминъ, вѣроятно надѣясь, что рыцари занятые войною съ Поморянами, не смогутъ дать ему надлежащаго отпора, а можетъ быть и имѣя сношенія съ Поморянами, вступилъ въ Прусскія орденскія владѣнія и, опустошивши ихъ, воротился домой съ богатою добычею,

Мстя за опустошеніе своей земли, два Нѣмецкихъ командора, другою дорогою, вошли въ Литовскую землю, взяли два Литовскихъ города и всѣхъ жителей до одного, неразбирая ни пола ни возраста, даже младенцевъ предали смерти, однихъ перебили, а другихъ сожгли живыхъ. Желая отомстить за такое звѣрство, Гедиминъ снова вошелъ въ орденскія владѣнія, проникъ въ самую глубь страны до Браунсберга, и пожегши и опустошивши все по дорогѣ, воротился домой съ огромнѣйшею добычею и стадами гналъ плѣнникоовъ. Этотъ набѣгъ страшно встревожилъ Нѣмцевъ, и Прусскій орденскій магистръ съ Рагнетскимъ командоромъ вь 1312 году задумали отплатить за опустошеніе такимъ же опустошеніемъ, и для сего отправились сухимъ путемъ и по Нѣману флотомъ и проникли въ глубь Литовской земли на сто миль; но походъ этотъ имъ рѣшительно не удался. Пограничные Литовцы, провѣдавши о нашествіи огромной Нѣмецкой рати, попрятались въ непроходимые лѣса, такъ, что Нѣмцамъ удалось только сжечь нѣсколько опустѣлыхъ селеній и одинъ ничтожный городокъ; а забравшись слишкомъ далеко въ глубь страны, самими же опустошенной, они вдругъ очутились безъ хлѣба, и большею частію на возвратномъ пути померли отъ голода и усталости; ибо, стараясь скорѣе дойти до жилыхъ мѣстъ, дѣлами по 20 миль въ день. А между тѣмъ Гедиминъ послалъ опытнаго воеводу сжечь Нѣмецкій флотъ, стоявшій на Нѣманѣ, что тотъ

исполнилъ въ точности, и тѣмъ такъ затруднилъ отступленіе голодной Нѣмецкой рати, что только слабые ея остатки кое-какъ добрались домой, изнуренные и ободранные.

Послѣ этого несчастнаго похода, Нѣмецкіе рыцари, въ продолженіи четырехъ лѣтъ не тревожили Литовской земли, они даже не осмѣлились вступить въ бой съ Жмудью и Литвою, въ своей землѣ, когда въ 1315 году Гедиминъ осаждалъ ихъ крѣпость Христъ-мемель, и магистръ ордена не рѣшился преслѣдовать его, когда онъ пошелъ домой; и только въ 1320 году маршалъ Пруссіи Генрихъ саксонецъ, вспомоществуемый пришельцами и наемными войсками изъ разныхъ странъ Германіи, рѣшился сдѣлать набѣгъ въ Литовскую землю и опустошилъ Медницкую область. Но этотъ набѣгъ окончаніемъ своимъ былъ крайне несчастенъ для Нѣмцевъ; Литовцы отрѣзали нѣмецкому войску обратную дорогу и въ одномъ лѣсу, загнавъ маршала и его войско въ засады, дали имъ битву, изъ которой не вышелъ цѣлымъ ни одинъ Нѣмецъ, не смотря на отчаянную храбрость маршала и рыцарей, но частію были перебиты, частію взяты въ плѣнъ, маршалъ въ числѣ первыхъ поплатился жизнію за свой набѣгъ. Послѣ такого пораженія, Нѣмцы слишкомъ два года собирались съ силами, стянули къ себѣ помощные войска изъ Польши, Богеміи, съ Рейна и другихъ странъ, и наконецъ въ 1323 году ворвались въ земли Жмуди и Литвы съ громадными си-

лами и съ начала имѣли нѣкоторый успѣхъ, взяли пограничный городокъ въ Жмудской землѣ и страшно опустошили два пограничныхъ округа тамъ же. Но едва дошли до рѣки Дубиссы, какъ увидали, что жители, заслышавъ о нѣмецкомъ походѣ, сами раззорили свои жилища и удалились въ непроходимые лѣса; а посему, боясь участи своихъ предшественниковъ, въ 1312 году зашедшихъ слишкомъ далеко вглубь опустошенной страны и погибшихъ отъ голода и изнуренія, Нѣмцы поспѣшили убраться домой, не успѣвши взять ни одного плѣнника. Между тѣмъ, въ это же время, самъ Гедиминъ съ Литвою и Русью ворвался въ Ливонію, пожегъ тамъ епископство Дерптское и нѣсколько другихъ областей, н захвативши до пяти тысячь плѣнниковъ и много другой добычи, благополучно возвратился домой. Нѣмцы, мстя за этотъ набѣгъ, въ томъ же году, уже зимою вступили въ земли Жмуди и Литвы; но не стерпя морозовъ, бѣжали назадъ. Въ отвѣтъ на это нападеніе подручникъ Гедиминовъ, безземельный Русскій князь Давыдъ ворвался въ Пруссію, и не смотря на морозы, страшно опустошилъ нѣсколько тамошнихъ областей, разбилъ высланное противъ него Нѣмецкое войско и убилъ предводительствовавшаго имъ командора, и воротился домой съ множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею; и въ томъ же году тотчасъ же Давыдъ, послѣ набѣга на Пруссію, сдѣлалъ набѣгъ на княжество Мазовецкое, пожегъ и раззорилъ множество селеній и костеловъ и

воротился домой никѣмъ не преслѣдуемый и гоня предъ собою толпы плѣнныхъ Мазуръ. А самъ Гедиминъ въ то же время, тайными путями по лѣсамъ и пущамъ, вступилъ въ землю Добриченскую, нечаяннымъ нападеніемъ захватилъ и сжегъ самый Добричинъ, и опустошивши тамошній край, тѣми же лѣсными дорогами, возвратился домой съ богатою добычею и съ 9000 плѣнниковъ. Послѣ этого опустошенія, Добриченскій князь отдалъ свое владѣніе Польскому королю. Польскій король Владиславъ Локотекъ, не надѣясь защитить своихъ владѣній войною и видя свои земли опустошенными и многія тысячи Поляковъ въ плѣну и неволѣ у Литовцевъ, сталъ просить мира у Гедимина и сватать своего сына и наслѣдника Казимира къ его дочери. Гедиминъ, довольный отдѣленіемъ Польши отъ союза съ Нѣмцами, согласился на предложеніе Владислава, выдалъ за его сына Казимира свою дочь Альдону и вмѣсто приданаго, отпустилъ нѣсколько тысячъ Польскихъ плѣнниковъ, которыми Поляки населили Подляшье.

Освободившись отъ войны съ Польшею, Гединъ вѣроятно скоро бы покончилъ съ Нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи, въ которомъ въ то время были страшные безпорядки и несогласія, доходившія до жалобъ въ Римъ и до суда папскихъ нунціевъ. Но къ счастію Нѣмцевъ, у Гедимина явился новый сильный врагъ ханъ Татарскій Узбекъ. Гедиминъ, успѣшно воюя съ Поляками и Нѣмцами въ то же время все болѣе и болѣе пріобрѣталъ значенія между Рус-

скими князьями при помощи брачныхъ союзовъ своихъ сыновей и дочерей, такъ что владѣнія его или его сыновей и дочерей въ Волынской землѣ уже прямо придвинулись къ Татарскимъ кочевьямъ въ Приднѣпровьѣ и онъ, подобно знаменитому Даніилу Романовичу, тѣснившему Татаръ при Миндовгѣ, также мало по малу сталъ вытѣснять ихъ, и отнялъ у нихъ всѣ города между Днѣпромъ и Горынью и наконецъ завладѣлъ самымъ Кіевомъ и всею правою стороною Днѣпра, гдѣ еще сидѣли Татарскіе баскаки. Все это можно было дѣлать, пока въ Татарской ордѣ были нестроенія и безпорядки; но какъ скоро окончательно утвердился ханъ Узбекъ, то обстоятельства перемѣнились; Узбекъ въ 1324 году далъ повелѣніе повиновавшимся ему Русскимъ князьямъ идти на Литву. Подробностей этого похода до насъ не дошло; лѣтопись только говоритъ: «и много зла сотворили Литвѣ и со многимъ полономъ пришли въ орду.» По всему вѣроятію, Русскіе князья неохотно воевали противъ своего собрата Гедимина; ибо Кіевъ и другіе Приднѣпровскіе города остались за Гедиминомъ и управлялись Литовскими или Русскими князьями его намѣстниками. Тѣмъ не менѣе этотъ походъ, хотя на время измѣнилъ отношенія Гедимина къ Нѣмцамъ; онъ, видя опасность съ востока, обратился къ западу и извѣстилъ Папу, что готовъ съ своими князьями принять латинскую вѣру, только бы Папа укротилъ злобу Нѣмцевъ. Папа, получивши такую радостную для него вѣсть, о-

бѣщалъ остановить Нѣмцевъ и послалъ къ Гедимину своихъ двухъ нунціевъ обращать его въ латинство. Между тѣмъ, гроза съ востока миновалась, къ тому же Нѣмецкіе рыцари вѣроломно среди переговоровъ напали на Гедиминовы владѣнія; и Гедиминъ, прервавъ переговоры съ Папою, прогналъ ворвавшихся Нѣмцевъ, и затѣмъ одному своему войску подъ начальствомъ Русскаго князя Давыда, приказалъ опустошать Мазовію, бывшую тогда во власти Нѣмецкаго ордена, а съ другимъ войскомъ самъ отправился воевать Ливонію. И когда среди новыхъ успѣховъ Литовско-Русскаго оружія папскіе послы опять явились къ Гедимину, то онъ отвѣчалъ имъ: «я не знаю вашего Папы и знать не хочу, исповѣдую вѣру моихъ предковъ и не измѣню ей покуда живъ.» Тѣмъ и покончилъ свои сношенія съ Папою. А война съ Нѣмецкими рыцарями продолжалась по прежнему; Нѣмцы и Литовцы постоянно мѣнялись набѣгами; и въ одинъ изъ таковыхъ набѣговъ Гедиминъ страшно опустошилъ Саксонію и доходилъ до Франкфурта на Одерѣ. Наконецъ въ 1328 году и война съ Нѣмцами прекратилась на цѣлые восемь лѣтъ; ибо Нѣмецкій орденъ, занятый упорною войною съ Польшею изъ за Помераніи и Добраченской области, не могъ продолжать своихъ набѣговъ на Литовскую землю.

Прекращеніе войны съ Нѣмцами именно тогда, когда Нѣмцамъ, занятымъ другими дѣлами некогда было воевать съ Литвою, ясно показываетъ, что про-

должительная и жестокая война Гедимина съ Нѣмецкимъ орденомъ была ведена и поддерживаема самими Нѣмцами, искавшими завоеваній и покореній; Гединимъ же велъ ее собственно только для защиты Литовско-Русской земли отъ напора латинства и германизаціи, и воевалъ точно также съ Нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи, какъ не много сѣвернѣе Новгородцы и Псковичи воевали съ Ливонскими Нѣмцами и Шведами. Новгородцы съ Псковичами и Гедиминъ служили одну службу общему отечеству, Русской землѣ; и отражали одного заклятаго врага,— латинство.

Защищая Русскую землю отъ напора латинства и нѣмечины, Гедиминъ въ то же время внутри своихъ владѣній старался окончательно слить Литву съ Русью; онъ при самомъ началѣ своего правленія принялъ титулъ великаго князя Литовскаго и Русскаго, и будучи по происхожденію своему чуждымъ и племеннымъ Литовскимъ и старымъ Русскимъ князьямъ, рѣшительно уравнялъ ихъ между собою и даже Русскимъ князьямъ давалъ предпочтеніе предъ Литовскими; онъ, такъ сказать, искалъ въ нихъ поддержки противъ притязанія племенныхъ Литовскихъ князей, которые по родству съ прежними Литовскими князьями, конечно, полагали, что они имѣютъ болѣе правъ быть великими князьями Литвы и соединенной съ нею Сѣверо-Западной Руси. Желая тѣснаго союза съ Русскими князьями вообще, Гедиминъ женилъ своихъ сыновей преимущественно

на Русскихъ княжнахъ; такъ старшаго сына Ольгерда на дочери Витебскаго князя изъ потомства Всеславова, Любарта на дочери Владимира Минскаго князя, потомка Романа Мстиславича; одну дочь свою выдалъ за Тверскаго князя Дмитрія Михайловича, другую за Московскаго княжича Семена Ивановича; да и самъ послѣ первой жены женился на Русской, а когда и вторая жена умерла, то и третья была также Русская. Русскихъ удѣльныхъ князей въ Литовскихъ владѣніяхъ Гедиминъ называлъ своими братьями, точно также какъ старые Русскіе великіе князья называли своихъ удѣльныхъ князей братьями, а не подручниками. Кромѣ того, Гедиминъ, какъ истый Русскій князь, принималъ участіе въ дѣлахъ Русской земли и внѣ своихъ владѣній; такъ въ 1323 году онъ присылалъ Князя Давыда съ Литовскимъ и Русскимъ войскомъ защищать Псковъ отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, или въ 1325 году отъ него приходили въ Новгородъ его братья удѣльные князья, Василій князь Полотскій и Ѳедоръ Святославичъ князь Минскій докончать общій миръ съ Нѣмцами; потомъ въ 1328 году Гедиминъ принялъ подъ свое покровительство сперва Тверскаго князя Александра Михайловича, бѣжавшаго во Псковъ отъ Татаръ, а потомъ и самый Псковъ, и въ 1330 году отъ своего имени и отъ имени князя Александра Михайловича Тверскаго и всѣхъ Литовскихъ князей отправилъ на Волынь къ Митрополиту Ѳеогносту пословъ ходатайство-

вать, чтобы Митрополитъ посвятилъ особаго епископа Пскову, отдѣльно отъ Новгорода.

Заботясь о выгодныхъ союзахъ и защищая свою землю отъ враговъ, Гедиминъ, въ тоже время, старался, чтобы и внутри его владѣній не было раздоровъ и неудовольствій; онъ, по всѣмъ своимъ городамъ, гдѣ прежде были Русскіе князья, или оставлялъ старыхъ князей, или сажалъ намѣстниками Русскихъ князей или бояръ и вездѣ удерживалъ старый порядокъ управленія. Желая довольства между своими подданными, Гедиминъ покровительствовалъ торговлѣ и разнымъ промысламъ, приглашалъ изъ сосѣднихъ странъ ремесленниковъ и давалъ имъ значительныя льготы точно также, какъ это дѣлали Галицкіе и Волынскіе князья Даніилъ и Василько Романовичи и ихъ ближайшіе преемники, которыхъ онъ, кажется, бралъ себѣ за образецъ. Будучи самъ язычникомъ, онъ ни кому не препятствовалъ принимать Православную вѣру даже въ своемъ семействѣ, самъ строилъ христіанскія православныя церкви въ Вильнѣ, Новѣгородкѣ и другихъ городахъ своей земли, и охотно бесѣдовалъ и съ Русскимъ и съ Латинскимъ духовенствомъ; но не навидѣлъ происки и лукавство Латинскихъ монаховъ, о чемъ такъ писалъ къ Папѣ Іоанну XXII: «люблю и покровительствую иноковъ честныхъ и добрыхъ; но терпѣть не могу и не допускаю къ себѣ тѣхъ, которые обращаютъ монастыри въ разбойничьи притоны и торгуютъ ми-

лостынею въ развращеніе людей» Воюя безпощадно съ разбойничьими Нѣмецкими ратями крестоносцевъ, и откровенно ругая безчестныхъ Нѣмецкихъ купцовъ обманщиковъ, Гедиминъ въ послѣднее время покровительствовалъ частной Нѣмецкой торговлѣ и давалъ торговымъ Нѣмецкимъ городамъ льготныя грамоты, какія давали имъ въ предшествовавшее время князья Смоленскіе. До насъ дошла одна изъ таковыхъ грамотъ, писанная въ 1323 году и данная Нѣмецкимъ городамъ Любеку, Ростоку, Штральзунду Гринсвальду, Штетину и Готландцамъ; въ этой грамотѣ Гедиминъ даетъ имъ свободу торговли по всѣмъ землямъ своего владѣнія, безъ платежа мыта; а также приглашаетъ къ поселенію разныхъ ремесленниковъ, обѣщая имъ десятилѣтнюю льготу отъ платежа всѣхъ податей и отправленія повинностей, и дозволяя пользоваться всѣми привиллегіями Рижскихъ гражданъ, которые имѣли также отъ него грамоту.

Гедиминъ скончался въ глубокой старости, по сказанію однихъ лѣтописей, въ 1339 году, а по другимъ въ 1340 году, не докончивъ безконечной войны съ Нѣмецкими рыцарями. Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ имѣлъ удовольствіе не только видѣть свои владѣнія спокойными со всѣхъ сторонъ, выключая Нѣмецкаго рубежа, но и получить огромное приращеніе своихъ владѣній на югѣ; гдѣ по смерти послѣдняго Владиміро-Волынскаго князя, скончавшагося безъ наслѣдниковъ мужескаго поколѣнія, Волынь и княжество Луцкое достались по на-

слѣдству и по согласію тамошняго народа Гедиминову сыну Любарту, женатому на дочери послѣдняго Владиміро-Волынскаго князя; такъ что Литовско-Русскія владѣнія, въ концѣ Гедиминова княжествованія стали упираться на югѣ не въ Припеть, а въ западный и восточный Бугъ и въ Днѣпръ. Гедиминъ, передъ смертію, раздѣлилъ свои огромныя владѣнія между семью своими сыновьями, придерживаясь Русскаго обычая, утвержденнаго Русскою Правдою. Двумъ сыновьямъ отъ первой жены оставилъ: первому, Монтивиду, Карачевъ и Слонимъ, второму, Наримонту, въ Св. крещеніи Глѣбу Туровъ и Пинскъ; сыновьямъ отъ второй жены Русской: Ольгерду Кревъ и Витебскъ, доставшійся ему по женѣ, которая была дочерью Витебскаго князя, не оставившаго сыновей, и Кейстуту княжество Троки и всю Жмудскую землю; и наконецъ сыновьямъ отъ третьей жены, которая также была Русская, старшему Любарту княжество Владиміро-Волынское, доставшееся ему, какъ мы уже видѣли, по женѣ, Каріату Михаилу княжество Новгородка Литовскаго, и наконецъ третьему, самому младшему Евнутію, стольный городъ Вильну и всѣ остальныя Литовскія владѣнія, съ правомъ великаго князя. Вильну Гедиминъ отдалъ Евнутію по закону Русской Правды, по которому домъ отца наслѣдуетъ младшій сынъ; потому же старому Русскому закону, при Евнутіѣ, въ Вильнѣ осталась жить и послѣдняя жена Гедимина, Евнутіева мать.

Въ первые годы по смерти Гедимина, сыновья его жили мирно между собою, но вели дѣла почти каждый врозь, или раздѣлясь по матерямъ, т. е. сыновья первой жены отдѣльно, сыновья второй и третьей жены также отдѣльно. Изъ всѣхъ сыновей Гедимина самымъ предпріимчивымъ, мужественнымъ и проницательнымъ былъ Ольгердъ князь Витебскій, старшій сынъ второй жены, дѣйствовавшій постоянно за одно съ своимъ единоутробнымъ братомъ Кейстутіемъ, храбрымъ княземъ Жмудскимъ. Наши лѣтописи единогласно говорятъ объ Ольгердѣ: «изъ всей братьи своей, Ольгердъ превзошелъ властію и саномъ, ибо не любилъ ни пьянства ни шумныхъ пировъ, ни безумныхъ потѣхъ; онъ не пилъ ни вина, ни меду, ни квасу кислаго, и во всемъ имѣлъ большое воздержаніе, и когда другіе предавались пустымъ забавамъ, онъ совѣтовался съ близкими себѣ, а еще болѣе одинъ самъ съ собою обдумывалъ планы, какъ бы распространить и укрѣпить свою власть, и планы свои всегда держалъ въ такой тайнѣ, что никто не зналъ о его предпріятіяхъ до тѣхъ поръ, пока нужно было привести ихъ въ исполненіе. Онъ подобно Владиміру Мономаху и Андрею Боголюбскому, которымъ, кажется подражалъ, еще при жизни отца пріобрѣлъ знаменитость и славу у современниковъ за свое мужество въ битвахъ и благоразуміе.»

Ольгердъ, еще будучи Витебскимъ княземъ, въ годъ смерти отца или на другой годъ, вѣроятно по

просьбѣ Смоленскаго князя, своего постояннаго союзника и сосѣда, напалъ на Можайскъ, тогда бывшій во власти Московскаго князя, а прежде принадлежавшій къ Смоленскимъ владѣніямъ, опустошилъ его окрестности, но города не могъ взять. Потомъ въ 1341 году, Псковичи, поссорившись съ Новгородцами, обратились къ Ольгерду просить у него помощи противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, и отправили къ нему въ Витебскъ двухъ посланниковъ. Ольгердъ, всегда готовый воевать съ Нѣмцами и желая подчинить своему вліянію Псковъ, и даже, какъ Русскій князь, считая для себя обязанностію помогать Русскимъ городамъ противъ внѣшнихъ враговъ, ласково принялъ посланниковъ и съ ними же отправилъ во Псковъ своего храбраго воевода князя Юрія Витовтовича; а вслѣдъ за тѣмъ и самъ съ братомъ своимъ Кейстутіемъ Жмудскимъ и съ сыномъ Андреемъ, съ княземъ Любкомъ сыномъ Полотскаго князя Воина и съ иными князьями и съ полками Литовскими и Витебскими явился въ Псковъ, и только однимъ своимъ приходомъ, безъ битвы заставилъ Нѣмцевъ отступить отъ Изборска, который они уже держали въ осадѣ. Псковичи просили Ольгерда остаться у нихъ княземъ и принять крещеніе; но разумѣется онъ и не подумалъ свой отчинный и покорный Витебскъ промѣнять на республиканскій и строптивый Псковъ; тѣмъ не менѣе оставилъ тамъ своего сына Андрея и дозволилъ ему креститься. Между тѣмъ, по прежнему продолжались незначи-

тельные взаимные набѣги Литовцевъ и Прусскихъ Нѣмцевъ, въ которыхъ съ Литовской стороны отличался ближайшій сосѣдъ Прусскихъ орденскихъ земель Жмудскій князь Кейстутій. Наконецъ въ 1345 году Ольгердъ, сговорясь съ Кейстутіемъ, составилъ планъ отнять Вильну у младшаго брата Евнутія и подчинить себѣ прочихъ братьевъ. По этому плану, составленному въ величайшей тайнѣ, Кейстутій изъ Трокъ нечаянно захватилъ Вильну; Евнутій же вмѣстѣ съ другимъ своимъ братомъ Наримонтомъ Туровскимъ, застигнутые въ расплохъ, принуждены были бѣжать, первый къ хану Чанибеку въ орду, а второй сперва во Псковъ, потомъ въ Новгородъ и Москву, гдѣ и нашелъ себѣ убѣжище и крестился. Между тѣмъ, увѣдомленный Кейстутіемъ о занятіи Вильны Ольгердъ поспѣшилъ пріѣхать туда и заключилъ съ братомъ союзъ, по которому они раздѣлили между собою добычу; и Ольгердъ согласно прежде составленному договору объявленъ великимъ княземъ всей Литвы, и оба брата поклялись жить въ дружбѣ и союзѣ до смерти и помогать другъ другу. Послѣ чего остальные братья волей неволей должны были также признать старѣйшинство и власть Ольгерда надъ всѣми Литовскими владѣніями.

Сдѣлавшись великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, Ольгердъ вступилъ почти въ тѣ же отношенія къ своимъ сосѣдямъ, въ какихъ былъ отецъ его Гедиминъ; но будучи дѣятельнѣе и предпріимчивѣе отца, Ольгердъ, этотъ второй Владиміръ Мо-

номахъ успѣлъ значительно распространить свое владѣніе, сколько силою оружія, столько ежели не болѣе, своими союзами съ сосѣдними государями; онъ былъ безспорно первымъ, и болѣе или менѣе давалъ направленіе тогдашнимъ историческимъ событіямъ.

Отношенія Литвы къ Прусскому и Ливонскому орденамъ Нѣмецкихъ рыцарей при Ольгердѣ, по видимому, были тѣ же, какъ и въ прежнее время. Нѣмцы почти каждый годъ являлись въ Жмудскую и Литовскую землю грабить и опустошать, а Литовцы платили имъ тѣмъ же, почти каждый годъ опустошая или Пруссію или Ливонію. Но въ сущности отношенія Литвы и Нѣмцевъ значительно измѣнились; и только великій умъ и неутомимая дѣятельность Ольгерда умѣли удержать дѣла въ прежнемъ положеніи. Нѣмецкіе рыцари, въ 1343 году помирившись съ Польскимъ королемъ Казимиромъ и прекративши свои внутренніе безпорядки, теперь могли свободно устремить всѣ свои силы на подавленіе Литвы и Руси, чѣмъ они и не замедлили воспользоваться. Магистръ Нѣмецкаго ордена въ 1346 году, собравши большое войско изъ своихъ и изъ пришлыхъ охотниковъ со всѣхъ краевъ Германіи, простиравшееся до сорока тысячь человѣкъ, вступилъ въ Литовскую землю и началъ ее опустошать и избивать жителей, не щадя ни пола ни возраста. Ольгердъ, вооруживши Литву и Русь и даже пригласивши своего союзника князя Смоленскаго, явился на защиту своей земли и далъ битву Нѣмцамъ.

Битва эта была самая ужасная по упорству обѣихъ сторонъ и кончилась въ пользу Нѣмцевъ; Русскихъ и Литвиновъ въ этой страшной рѣзнѣ пало 22 тысячи человѣкъ, по Нѣмецкому счету. Вѣсти объ этой битвѣ даже долетѣли до Москвы, и записаны Литовскимъ лѣтописцемъ такими словами: «бысть бой Нѣмцамъ съ Литвою на Стрявѣ рѣцѣ, и побима Литвы сорокъ тысячь.» Но таковое сильное пораженіе только подняло неутомимую дѣятельность и предпріимчивость Ольгерда; онъ, собравши новое войско, вслѣдъ за возвратившимися домой Нѣмцами, ворвался въ Пруссію, страшно опустошилъ ее и со многими тысячами плѣнниковъ, благополучно воротился домой, не смотря на то, что самъ магистръ съ своими рыцарями стерегъ свои границы, чтобы не пропустить Литовскаго войска. Такимъ образомъ Ольгердъ, съ первой же попытки Нѣмцевъ перемѣнить пріемы войны, поворотилъ войну на старую дорогу взаимнаго опустошенія, и таковый порядокъ послѣ битвы при Стравѣ продолжался десять лѣтъ. Во все это время постоянными воителями съ Литовской стороны были: самъ Ольгердъ, братъ его Кейстутій и племянникъ Патрикій Наримонтовичъ, а частію Ольгердовъ сынъ Скиригайло, которые своими почти всегда удачными набѣгами на орденскія земли достигали того, что при ихъ появленіи, Нѣмецкіе рыцари не осмѣливались выглянуть изъ своихъ замковъ, и предоставляли имъ полную свободу ходить и опустошать изъ конца въ конецъ Прусскую землю.

Наконецъ магистръ Нѣмецкаго ордена послалъ вѣстниковъ по всей Германіи и даже въ Англію, чтобы отвсюду шли на помощь католикамъ противъ язычниковъ Эта мѣра имѣла успѣхъ и къ рыцарямъ пришло огромное войско подъ начальствомъ герцога Нуринбурскаго, и вмѣстѣ съ рыцарями вступило въ Литовскую землю; но нашло тамъ только опустѣлые дома и деревни, оставленныя жителями, ушедшими въ лѣса, и пожегши пустыя деревни воротилось домой съ большою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Это опустошеніе сначала принесло нѣкоторую пользу Нѣмецкому ордену; ибо Литовцы на него не отвѣчали опустошеніемъ Пруссіи. Рыцари, довольные такимъ успѣхомъ, черезъ три года снова собрались пограбить Литовскія владѣнія; но на этотъ разъ были встрѣчены Ольгердомъ, Кейстутіемъ и Патрикіемъ, и не прежде могли приступить къ обычнымъ грабежамъ, какъ одержавши побѣду надъ Литовско-Русскимъ войскомъ, которая побѣда, по упорству битвы, дорого стоила обѣимъ сторонамъ. Для Русскихъ и Литовцевъ особенно была чувствительна потеря знаменитаго воителя Кейстутія, попавшагося въ плѣнъ къ Нѣмцамъ. Нѣмцы отвезли его въ Маріенбургъ и засадили въ крѣпость въ цѣпяхъ; но такого удалаго бойца не могли держать долго Нѣмецкія цѣпи. Онъ при помощи одного новокрещеннаго Литвина, перерядившись крестоносцемъ, въ бѣломъ плащѣ съ чернымъ крестомъ, ушелъ изъ крѣпости. и въ такомъ на-

рядѣ дошелъ до ближайшаго лѣса, гдѣ сбросилъ нарядъ, и оставивши лошадь, сперва скрывался нѣсколько времени въ болотѣ, потомъ шелъ по ночамъ и, вмѣсто своей родной Жмуди, попалъ въ Мазовію; впрочемъ его тамъ узнала его родная дочь, тамошняя княгиня Данута и дала ему лошадей и вооруженныхъ проводниковъ довезти до дому. Воротившись, такимъ образомъ, въ Жмудскую землю, Кейстутій немедленно собралъ удалое войско изъ Русскихъ и Жмуди, и пошелъ въ Пруссію заявить Нѣмцамъ, что онъ уже не въ ихъ неволѣ, и опустошивши и пожегши всю страну до самаго Данцига, съ богатою добычею отправился въ обратный путь. Нѣмцы, собравши на скоро войско, нагнали его, и разбили и взяли было опять въ плѣнъ; но онъ съумѣлъ обмануть ихъ и воротился благополучно домой, Вслѣдъ затѣмъ опять идутъ ежегодныя опустошенія Литовской и Жмудской земли Нѣмецкими рыцарями и Прусской земли Литовцами; опять Литовскіе удалые борцы: Ольгердъ, Кейстутій и Патрикій, ежегодно, напоминаютъ Нѣмцамъ о своей удали, и къ нимъ еще присоединяется новый борецъ Литовской Руси, тогда еще очень молодой, но въ послѣдствіи знаменитый Кейстутіевъ сынъ Витовтъ, этотъ новый Всеславъ, подобно старому Всеславу, по народному преданію рожденный отъ волшебства, ибо мать его Бируту преданіе величаетъ волшебницей и даже богиней. Въ 1369 году, Прусскій магистръ построилъ было Нѣмецкій за-

мокъ на Литовской землѣ, чтобы имѣть опору для будущихъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Литвы; но Нѣмецкій замокъ на Литовской землѣ не простоялъ и одного года; въ слѣдъ же за удаленіемъ магистра, явились Ольгердъ и Кейстутій, замокъ разрушили до основанія, а защищавшихъ его Нѣмцевъ частію перебили, частію отвели въ неволю. И такимъ образомъ хитрый планъ Нѣмецкихъ рыцарей хоть сколько нибудь утвердиться въ Литовской землѣ, рѣшительно не удался, и отношенія Нѣмецкихъ рыцарей и Литвы остались прежнія, т. е. отношенія непримиримой вражды и опустошеній. Ольгердъ, подобно своимъ предшественникамъ, удержалъ сіи отношенія до самой смерти, и съумѣлъ отстоять границы Русско-Литовской земли съ этой стороны прежнія, не смотря на всѣ усилія Нѣмецкихъ рыцарей отодвинуть эти границы назадъ. Вообще борьба Ольгерда съ Нѣмецкими рыцарями представляетъ самую блестящую сторону Литовско-Русской исторіи: здѣсь высказалась вся твердость Литовско-Русской, или скорѣе Русской цивилизаціи противъ обычнаго Нѣмецкаго преобладанія, погубившаго столько Славянскихъ націй, въ сношеніяхъ съ завистливыми и настойчивыми Германцами.

Рядомъ съ Пруссіею ближайшимъ сосѣдомъ Литовской Руси была Польша, не меньше Нѣмецкихъ рыцарей враждебная къ Литвѣ. Въ Польшѣ половину Ольгердова княжествованія былъ государемъ Казимиръ, сильнѣйшій изъ Польскихъ

королей. Этотъ король, пользуясь безпорядками въ Галицкомъ княженіи, бывшими по смерти послѣдняго тамошняго князя, и при помощи мятежныхъ Галицкихъ бояръ, завладѣлъ Галицкою землею; между тѣмъ какъ Волынь оставалась за Гедиминовымъ сыномъ Любартомъ, получившимъ ее по наслѣдству, послѣ послѣдняго тамошняго князя, на дочери котораго, какъ мы уже видѣли, онъ былъ женатъ. Желая завладѣть и Волынью, Казимиръ воспользовался случаемъ, когда, въ 1349 году, Литовскіе князья стянули свои войска къ Прусскимъ границамъ, неожиданно перешелъ Бугъ и завладѣлъ сперва Луцкомъ, потомъ Владиміромъ Волынскимъ, Берестьемъ, Холмомъ и другими городами, обѣщая жителямъ, особенно мѣстнымъ боярамъ и князьямъ, неприкосновенность ихъ правъ и разныя льготы, лишь бы они присягнули ему на подданство. Это нападеніе, среди мира, и занятіе Русскихъ земель, принадлежащихъ законному Государю и притомъ Ольгердову брату, естественно, должно было вооружить Ольгерда противъ Казимира. И потому въ томъ же году многочисленное Русско-Литовское войско вступило въ Польшу и опустошило земли Луковскую, Радомскую и Сандомирскую, и нигдѣ не встрѣчая достаточнаго сопротивленія, возвратилось домой съ огромнѣйшею добычею. А на другой годъ новое Литовско-Русское войско съ Кейстутіемъ и другими князьями не только выгнало Поляковъ изъ Волыни, но опустошило Червонную Русь и отняло у Поля-

ковъ земли Львовскую, Бѣльскую и Брестскую и принудило Казимира заключить миръ, по которому Волынь осталась, по прежнему, за Любартомъ, а львовская земля возвращена Казимиру. Но Казимиръ, недовольный такимъ миромъ, соединясь съ королемъ Венгерскимъ въ 1351 году, опять завоевалъ Владиміръ Волынскій. Въ отвѣтъ на это въ 1353 году Любартъ по соглашенію съ Ольгердомъ, Кейстутіемъ и Скиргайломъ и при ихъ помощи опустошилъ Червонную Русь до самаго Галича, и разрушивъ этотъ городъ, вошелъ въ Польшу, проникъ до Завихвоста, и такъ удачно совершилъ этотъ походъ, что Поляки нигдѣ не осмѣливались выйдти противъ него, и Казимиръ, боясь, чтобы Литва не пошла далѣе вглубь Польской земли, приказалъ хорошенько укрѣпить Плоцкъ. Такимъ образомъ Галичь и вся Червонная Русь отошли отъ Поляковъ и соединились съ Литовскою Русью, каковое соединеніе и продолжалось до 1366 года. Въ этомъ же году Казимиръ, объявивъ по всей Польшѣ поспoлитое рушенье, собралъ огромное конное и пѣшее войско, и вступилъ въ отнятыя у него владѣнія. Этотъ походъ Казимира былъ вполнѣ удаченъ. Литовскіе князья, занятые тогда войною съ Нѣмецкими рыцарями, не могли противупоставить Польскому нашествію достаточнаго сопротивленія, и послѣ непродолжительной войны заключили съ Казимиромъ миръ. По этому миру, 1-е Казимиръ получилъ города Владиміръ Волынскій, Любомль, Кре-

менецъ, Холмъ, Бѣльзъ и нѣкоторые другіе по обоимъ берегамъ западнаго Буга, предоставивъ впрочемъ тамошнимъ мѣстнымъ князьямъ владѣть своими отчинами, только въ зависимости отъ Польскаго короля. 2-е; Ольгердъ и Кейстутій удерживаютъ за собою всю Русскую землю, пограничную съ Пруссіей, Мазовіей и Польшей, т. е. земли Бѣльскую, Брянскую, Дрогичинскую, Мельницкую, Берестейскую, Каменьскую и Кобринскую, т. е. уголъ, образуемый правымъ берегомъ Буга и лѣвымъ Нарева. 3, Земля Луцкая, со всѣмитамошними уѣздами, и Волынская, за исключеніемъ города Владиміра, остается за прежнимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ. 4, Кромѣ того, Казимиръ, изъ своей доли Волынской земли большую часть отдаетъ своему вѣрному присяжнику, Гедиминову внуку Александру Коріатовичу- 5, Наконецъ, по этому же договору, Казимиръ, Ольгердъ и Любартъ установили въ Городнѣ пограничныхъ судеи, которые должны судить порубежные споры между Русскими и Ляхами, съ правомъ назначать казнь Ляхамъ, по Польскимъ законамъ, а Русскимъ по Русскимъ. Но этотъ миръ, естественно, не могъ кончить вражды Литвы и Руси съ Польшею; Литовскіе князья, стоявшіе за интересы Русской земли, какъ своего отечества, были вовсе недовольны послѣднимъ раздѣломъ, и только ждали случая снова начать войну съ Польшею. И въ 1368 году Кейстутій Жмудскій, ближайшій сосѣдъ къ Мазовіи, взялъ Пултускъ; а потомъ въ

1370 году, пользуясь смертію Казимира и безпорядками, начавшимися въ Польшѣ, Кейстутій и Любартъ осадили Владиміръ Волынскій, и не смотря на сильныя укрѣпленія этого города, сдѣланныя въ послѣдніе годы Казимиромъ, взяли его, сожгли и разкопали до основанія: потомъ черезъ Люблинъ ворвались въ Сандомирскую землю, и опустошивши ее съ богатою добычею воротились домой. Такимъ образомъ, со стороны Польши, хотя дѣла, въ отношеніи занятія Волыни, не были еще покончены при жизни Ольгерда; тѣмъ неменѣе Польское преобладаніе въ этомъ краю было отодвинуто за Бугъ, и Волынь присоединена къ Литовской Руси.

За Польшею на юговостокѣ непосредственнымъ сосѣдомъ Литовской Руси, на Волыни и въ Приднѣпровьѣ, были кочевья Татарскія, занимавшія нынѣшнюю Подолію, отъ верховьевъ восточнаго Буга до Чернаго моря. Съ этими сосѣдями Ольгердъ и другіе Литовскіе князья, вообще, жили мирно, и даже въ 1352 году тамошніе Татары, поднятые подарками и разными обѣщаніями Ольгерда, опустошали сосѣднія Галицкія владѣнія, принадлежавшія Казимиру Польскому; а еще прежде въ 1347 году, Ольгердъ подымалъ хана Чанибека на Московскаго князя и посылалъ въ Орду своего брата Коріата. Тѣмъ не менѣе Великій князь Литовскій не давалъ забываться и Татарамъ; онъ въ 1362 году воевалъ Татарскія кочевья по Бугу въ Бѣлобережьѣ и на Синей водѣ, гдѣ разбилъ трехъ Татарскихъ князей и ото-

двинулъ Татарскія кочевья въ этой сторонѣ ближе къ Черному морю; а на опростанныя Татарами мѣста послалъ своихъ племянниковъ, сыновей Коріата, которые и заняли тамъ города Смотричъ, Каменецъ, Бреславль и другіе. Потомъ въ 1373 году Ольгердъ повторилъ походъ на Татаръ и имѣлъ великій бой съ какимъ то ихъ княземъ Теймуразомъ, вѣроятно опять въ южныхъ предѣлахъ Подоліи.

Прямо на востокъ сосѣдями Ольгердовыхъ владѣній были владѣнія Смоленскія, Тверскія и Московскія. Въ отношеніи къ симъ сосѣдямъ Ольгердъ себя велъ иначе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ сосѣдямъ. Въ этомъ краю онъ, какъ Русскій князь, постоянно искалъ союза, родства и дружбы съ другими Русскими князьями, и смотрѣлъ на здѣшнихъ князей, какъ на братьевъ, и старался стать въ такія отношенія, въ какихъ отношеніяхъ были Русскіе князья въ старыя времена. Здѣшній край онъ считалъ роднымъ краемъ для себя и для своихъ подданныхъ, здѣсь ни для него, ни для его подданныхъ не было заклятыхъ враговъ, какъ въ Пруссіи или въ Польшѣ, хотя и бывали враждебныя столкновенія и довольно сильныя, но это только ссоры братьевъ, вражда родственниковъ, которые поссорившись спѣшатъ помириться. Первымъ самымъ старшимъ союзомъ Ольгерда въ этомъ краю былъ союзъ съ ближайшимъ сосѣдомъ великимъ княземъ Иваномъ Александровичемъ Смоленскимъ, когда Ольгердъ былъ только еще Витебскимъ княземъ; этотъ союзъ продолжался

почти до смерти князя Ивана Александровича. Ольгердъ первоначально горячо заступался за Смоленскаго князя, и въ 1340 году ходилъ къ Можайску, чтобы отнять его у Московскаго князя и воротить къ Смоленскимъ владѣніямъ; но не успѣвши въ этомъ самъ, посылалъ своего брата Коріата къ Татарскому хану Чанибеку, поднимать его на Московскаго государя; а когда и это не удалось, то въ 1348 году вступилъ въ союзъ съ Московскимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и, при его посредствѣ, по смерти первой жены, женился на Тверской княжнѣ Юліанѣ Александровнѣ, родной сестрѣ Московской княгини Анастасіи Александровны; а въ 1352 году выдалъ свою дочь за Бориса Константиновича князя Суздальскаго. Впрочемъ, тѣсный союзъ съ Московскимъ княземъ нисколько не ослабилъ союза Смоленскаго; а напротивъ, когда Семенъ Ивановичъ Московскій въ 1351 году отправился съ ратью на Смоленскаго князя, то Ольгердъ немедленно отправилъ своихъ пословъ съ дарами, и убѣдилъ Московскаго князя остановить свой походъ и заключить миръ съ Смоленскимъ княземъ. Но въ 1355 году въ Смоленскихъ владѣніяхъ произошла какая то неурядица, по которой братъ Ивановъ Василій князь Брянскій завладѣлъ Смоленскомъ; то Ольгердъ вступился за своего стараго союзника, ходилъ на Смоленскъ, заставилъ Василія бѣжать въ орду, полонилъ его сына и возвратилъ Смоленскъ своему союзнику князю Ивану Александровичу; а когда Василій умеръ въ

Брянскѣ и тамъ начались смятенія, то Ольгердъ, пользуясь этимъ, занялъ Брянскъ и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ. По смерти князя Ивана Александровича, Ольгердъ разсорился съ его сыномъ Святославомъ, отнялъ у него Мстиславль, а сынъ его Андрей Ольгердовичъ захватилъ Ржеву.

Между тѣмъ, въ Тверскихъ владѣніяхъ начались ссоры между тамошними князьями, и братья Ольгердовой жены Юліаны, Всеволодъ и Михаилъ Александровичи были обижены при раздѣлѣ волостей своими дядями, состоявшими подъ покровительствомъ Московскихъ князей, и старшій изъ нихъ Всеволодъ Александровичъ въ 1359 году бѣжалъ въ Литву искать помощи у своего зятя Ольгерда. Ольгердъ, любя свою молодую жену и желая имѣть между восточными Русскими князьями всегда вѣрныхъ и надежныхъ союзниковъ, охотно принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ братьевъ своей жены. А такъ какъ противная партія Тверскихъ князей состояла подъ покровительствомъ Москвы; то Ольгердъ, защищая своихъ ближайшихъ родственнинковъ, по необходимости, долженъ былъ вступить въ борьбу съ Москвою; а посему немедленно примирился съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ Святославомъ Ивановичемъ великимъ княземъ Смоленскимъ и заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Москвы и на другой годъ самъ пріѣзжалъ осматривать Ржеву, какъ опорный пунктъ для дѣйствій противъ Москвы и враждебныхъ ему Твер-

скихъ князей. И не даромъ Ольгердъ былъ такъ предусмотрителенъ; на слѣдующій годъ его шуринъ Всеволодъ Александровичъ опять принужденъ былъ бѣжать въ Литву и Тверью снова завладѣлъ дядя его Василій Михайловичъ князь Кашинскій, и Ольгерду уже понадобилось посылать свои войска на Тверскія владѣнія. Потомъ въ 1362 году Василій Михайловичъ Кашинскій, продолжавшій владѣть Тверью, сталъ тѣснить младшаго Ольгердова шурина Михаила Александровича Микулинскаго; и Ольгердъ, чтобы принудить Кашинскаго князя къ миру съ племянникомъ, послалъ свое войско въ Тверскую землю, которое и заняло тамъ городъ Корчеву. Наконецъ по смерти Всеволода Александровича въ 1365 году, ссоры между Василіемъ Михайловичемъ Кашинскимъ, владѣвшимъ Тверью, и Михаиломъ Александровичемъ Микулинскимъ, получившимъ въ это время еще нѣсколько удѣловъ послѣ умершихъ родственниковъ, дошли до того, что въ Тверскія дѣла непосредственно вмѣшались Московскій князь Дмитрій Ивановичъ и Ольгердъ Гедиминовичъ Литовскій. Московскій князь двинулъ свои войска въ Тверскую землю на помощь своему союзнику князю Кашинскому и принудилъ Михаила Александровича бѣжать въ Литву; но лишь Московскія войска вышли изъ Тверскихъ владѣній, Михаилъ съ Литовскимъ войскомъ ударилъ на своего врага князя Кашинскаго и принудилъ его къ миру по всей своей волѣ, а вслѣдъ затѣмъ помирился и съ Московскимъ кня-

земъ. Но миръ этотъ билъ непродолжителенъ; въ 1367 году Михаила Александровича зазвали въ Москву, и тамъ жестоко оскорбили, засадивши подъ стражу, и потомъ послали Московское войско опустошать Михаиловы владѣнія.

Таковые поступки Москвичей, наконецъ, заставили Ольгерда принять непосредственное участіе въ своемъ шуринѣ Михаилѣ Александровичѣ, бѣжавшемъ къ нему за помощію. Пользуясь тѣмъ, что главныя Московскія силы были заняты опустошеніемъ Тверскихъ Михаиловыхъ владѣній, Ольгердъ быстро двинулся въ Московскія владѣнія, разбилъ на голову на скоро собранные полки князей Стародубскаго и Оболенскаго, потомъ разогналъ Московскіе, Дмитровскіе и Коломенскіе полки, думавшіе загородить ему переходъ черезъ Тростну, и неожиданно явился подъ стѣнами самой Москвы, гдѣ князь Дмитрій Ивановичъ заперся съ небольшою ратью, простоялъ подъ Москвою три дня, опустошилъ Московскія окрестности; и тѣмъ принудилъ Московскаго князя заключить миръ съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ, по которому Московскій князь обязался возвратить Михаилу только что отнятыя у него владѣнія. Но миръ этотъ, заключенный по неволѣ, не могъ быть проченъ; и на другой годъ Москвичи и Волочане уже воевали въ Смоленскихъ волостяхъ, мстя за то, что Смоленскій князь въ союзѣ съ Ольгердомъ ходилъ на Москву. А въ 1369 году Московскій князь сложилъ крестное цѣлованіе къ

Михаилу Александровичу и послалъ свои полки воевать Тверскія волости, и Михаилъ опять бѣжалъ въ Литву молить о помощи. Ольгердъ, занятый въ то время упорною войною съ Нѣмецкимъ орденомъ, на этотъ разъ не могъ оказать немедленной помощи; но за то на другой годъ собралъ большое войско и вмѣстѣ съ своимъ братомъ Кейстутіемъ и другими Литовскими князьями и съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Смоленскимъ Святославомъ Ивановичемъ двинулся къ Волоку, сжегъ его посады, и потомъ быстро пустился къ Москвѣ и простоялъ уже подъ ея стѣнами восемь дней; но услышавъ, что въ Перемышлѣ двоюродный братъ Московскаго князя, князь Владиміръ Андреевичъ уже собралъ значительное войско на выручку Москвы, къ которому присоединились и полки князя Рязанскаго, и притомъ имѣя надобность скорѣе воротиться въ Литву, гдѣ напирали Нѣмцы, Ольгердъ поспѣшилъ заключить съМосковскимъ княземъ миръ, по которому и Тверскій князь примирился съ Московскимъ, а Ольгердъ сверхъ того сосваталъ свою дочь за князя Владиміра Андреевича.

Но послѣдній миръ былъ крайне невыгоденъ для Михаила Тверскаго; и посему онъ въ томъ же 1370 году, пользуясь отъѣздомъ Московскаго князя въ орду, захватилъ сосѣдніе Московскіе города Кострому, Мологу и другіе и посажалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Потомъ въ слѣдующемъ году Михаилъ двумя ратями вступилъ въ Московскія владѣ-

нія; самъ пошелъ на Дмитровъ, взялъ съ города окупъ и произвелъ большія опустошенія въ волостяхъ; а другую рать Кейстутій, Витовтъ и другіе князья повели на Переяславль, гдѣ также надѣлали большія опустошенія и взяли окупъ. Наконецъ въ 1371 году по просьбѣ Михаила явился и самъ Ольгердъ съ большою ратью на границахъ Московскихъ владѣній съ Смоленскими, туда же спѣшилъ и Михаилъ съ Тверскою ратью, чтобы соединиться съ Ольгердомъ и туда же торопился Московскій князь, чтобы не допустить этого соединенія; и такимъ образомъ вдругъ три рати явились подъ Любутскомъ. Московскій князь, не успѣвши воспрепятствовать соединенію Тверской рати съ Литовскою, думалъ вознаградить эту неудачу стремительнымъ натискомъ, и дѣйствительно успѣлъ смять передовый полкъ Ольгерда; но ни Ольгердъ ни Михаилъ, очень опытные въ военномъ дѣлѣ, не растерялись отъ такого натиска, и занявши крѣпкую позицію за крутымъ и глубокимъ оврагомъ принудили Москвичей остановиться. Обѣ рати равныя въ силахъ долго стояли другъ противъ друга; и осторожные князья, не рѣшаясь переходить оврага въ виду противниковъ, принуждены были заключить перемиріе и разошлись. До насъ дошла перемирная грамота, заключенная подъ Любутскомъ. Изъ нее мы видимъ, что въ договорѣ участвовали съ одной стороны Ольгердъ Литовскій, Кейстутій Жмудскій и Святославъ Смоленскій, какъ первенствующіе представители сво-

ей стороны, посылавшіе пословъ въ Московскій лагерь и потомъ Михаилъ Тверскій и Дмитрій Брянскій и тѣ князья, которые будутъ или у князя великаго Ольгерда въ его имени, или у князя Великаго Святослава; а съ другой стороны Московскій великій князь Дмитрій Ивановичъ, братъ его князь Владиміръ Андреевичъ, и князь великій Олегъ, и князь великій Романъ, и князь великій Владиміръ Пронскій, и тѣ князья, которые будутъ въ ихъ имени. По этой грамотѣ: 1) обѣ стороны условливаются не воевать другъ противъ друга, 2) Ольгердъ беретъ на себя, что Михаилъ Тверскій воротитъ все то, что пограбилъ въ Московскихъ владѣніяхъ и сведетъ своихъ намѣстниковъ съ занятыхъ имъ Московскихъ областей; 3) ежели же Михаилъ Тверскій до кончанья будетъ еще грабить и воевать въ Московскихъ владѣніяхъ, то Дмитрію и его союзникамъ вѣдаться самимъ, а Ольгерду не вступаться; 4) посламъ Литовскимъ, Московскимъ и Смоленскимъ и торговцамъ на обѣ стороны путь чистъ, и 5) Ржеву до исправы оставить за тѣмъ, за кѣмъ она была при заключеніи договора.» Это перемиріе явно клонилось въ пользу Московскаго князя и много повредило Ольгерду на Сѣверо-востокѣ Русской земли; ибо по договору онъ выдалъ своего союзника Тверскаго князя въ руки Московскому и отступился отъ него безъ явной нужды; ближайшимъ слѣдствіемъ такой оплошности было то, что Смоленскій князь поспѣшилъ къ союзу съ Московскимъ княземъ, и во

время войны 1375 года Московскаго князя съ Тверскимъ, Смоленскіе полки уже осаждали Тверь за одно съ Московскими полками; а при заключеніи мира, въ томъ же 1375 году, Московскаго князя съ Тверскимъ, на договорной грамотѣ Тверскій князь принялъ обязательство сложить крестное цѣлованіе къ Ольгерду и его племянникамъ и братьямъ, или иначе отступить отъ союза съ ними; и ежели Литовскій князь пойдетъ на Московскаго или на Смоленскаго князя или на кого изъ ихъ союзниковъ, то Тверскому князю стоять за одинъ съ ними противъ Литовскаго князя. Конечно Михаилъ Тверскій не разорвалъ союза съ Ольгердомъ, а еще больше скрѣпилъ его, женивши въ томъ же году своего сына на Ольгердовой племянницѣ, дочери Кейстутія, и въ томъ же году, Ольгердъ жестоко опустошилъ Смоленскія области за союзъ Смоленскаго князя съ Московскимъ; но все это далеко не возвратило Ольгерду того значенія на Сѣверо-востокѣ Руси, которое онъ потерялъ по Любутскому миру. Первенство въ этой сторонѣ осталось не за Литвою, а за Москвою; Опустошеніе Смоленскихъ областей не воротило Смоленскаго князя къ союзу съ Ольгердомъ, Смоленскъ остался вѣренъ Московскому союзу. Вообще Любутское перемиріе 1371 года окончательно рѣшило послѣдующую судьбу Литвы и Москвы и не только отняло у Ольгерда то высокое значеніе на Сѣверо-востокѣ Русской земли, которое онъ умѣлъ съ успѣхомъ поддерживать съ 1340 года, въ продол-

женіи слишкомъ тридцати лѣтъ; но и показалъ, что рано или поздно Литва, какъ Русская земля, должна тянуть къ Москвѣ, что для собственнаго спасенія для нее нѣтъ другаго исхода. Конечно только глубокая старость и множество дѣлъ на западѣ въ слѣдствіе безконечной войны съ Нѣмецкимъ орденомъ заставили Ольгерда хотя временно примириться съ тѣмъ крайне невыгоднымъ положеніемъ между Сѣверо-восточными Русскими князьями, въ которое поставило его Любутское перемиріе, а вскорѣ послѣдовавшая смерть помирила его и со всѣми положеніями земной жизни.

Ольгердъ скончался въ 1377 году; послѣ него осталось двѣнадцать сыновей отъ двухъ женъ христіанокъ Православнаго исповѣданія; отъ первой жены, княжны Витебской, пятеро; и отъ второй, княжны Тверской, семеро. Сыновья первой жены были: 1-й Андрей князь Полотскій, 2-й Дмитрій князь Трубчевскій и всей Сѣверской земли, 3-й Константинъ князь Чарторижскій, что на Волыни, 4-й Корибутъ и 5-й Владиміръ князь Бѣльскій. Отъ второй жены: 1-й Ягайло Яковъ, самый любимый отцомъ и получившій отъ него Вильну и великокняжескій престолъ во всѣхъ Литовскихъ владѣніяхъ, 2-й Скиргайло, 3-й Семенъ Лугвень, 4-й Швидригайло, 5-й Коригайло, 6-й Мингайло и 7-й Жигимантъ. Въ первое время по смерти Ольгерда сыновья его и братья Кейстутій и Любартъ жили мирно; и въ годъ кончины Ольгердовой Кейстутій, сынъ его Витовтъ,

Ягайло, Любартъ и князь Бѣльскій Юрій вмѣстѣ воевали польскую землю между Саномъ и Вислою. Но этотъ миръ не былъ общимъ и продолжительнымъ; особенно скоро стали во враждебныя отношенія къ Ягайлу братья его, сыновья Ольгерда отъ первой его супруги, княжны Витебской; и первый возсталъ старшій братъ Андрей Полотскій, постоянный и дѣятельный сподвижникъ покойнаго Ольгерда. Впрочемъ, это одиночное возстаніе, какъ и должно было ожидать, не имѣло успѣха; Ягайло, сильный союзомъ съ дядею своимъ, Жмудскимъ княземъ Кейстутіемъ и особенно съ сыномъ его Витовтомъ, отнялъ у Андрея Полотскъ и посадилъ тамъ своего единоутробнаго брата Скиргайлу. Андрей сперва бѣжалъ во Псковъ, а потомъ къ Московскому князю, который принялъ его любезно и постарался воротить ему Полотскъ и тѣмъ положилъ начало добровольнаго присоединенія Литовскихъ удѣльныхъ князей къ Москвѣ. Потомъ Ягайло поссорился съ Кейстутіемъ, соединился съ Нѣмецкими рыцарями, и при ихъ помощи началъ войну съ Кейстутіемъ; но не вступая въ битву съумѣлъ хитростію заманить къ себѣ для переговоровъ Кейстутія и его сына Витовта, и вмѣсто переговоровъ увезъ въ Вильну, откуда Кейстутія сослалъ въ Кревъ подъ стражу и тамъ приказалъ удавить. Тоже готовилось и Витовту, Ягайло и его уже отослалъ въ Кревъ подъ стражу съ тѣмъ, чтобы тамъ убить; но Витовтъ при помощи своей жены нарядившись въ женское платье успѣлъ бѣжать изъ подъ

стражи и ушелъ къ Нѣмецкимъ рыцарямъ и при ихъ помощи началъ войну съ Ягайломъ. Пользуясь такими нестроеніями въ Литвѣ, Московскій князь Дмитрій Ивановичъ въ 1379 году послалъ свои войска съ своимъ двоюроднымъ братомъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ въ Сѣверскую землю на тамошняго князя Дмитрія Ольгердовича. Дмитрій же Ольгердовичъ не счелъ за нужное воевать противъ Московскихъ войскъ, самъ отправился въ Москву и принятый тамъ съ любовію, призналъ надъ собою и надъ своими владѣніями верховную власть великаго князя Московскаго, и получилъ утвердительную грамоту, по которой Сѣверская земля была оставлена за нимъ съ тѣмъ, чтобы тянуть къ Московскому князю. Такимъ образомъ и другой значительный Литовскій удѣлъ отступилъ отъ союза съ Литвою и потянулъ къ Москвѣ. Тѣ же нестроенія и междоусобія въ Литвѣ ободрили Поляковъ, и князь Мазовецкій Янушъ захватилъ Литовско-Русскіе города Дрогичинъ и Мельникъ и опустошилъ области Бѣльскую, Каменецкую и Берестейскую.

Между тѣмъ, Витовтъ бѣжавшій изъ Кревской тюрьмы, какъ мы уже видѣли, нашелъ убѣжище у магистра Нѣмецкаго ордена, и при его дѣятельной помощи началъ войну съ Ягайломъ. Эта война не только страшно опустошила Литовскую землю; но, что еще того гибельнѣе, подала Прусскому Нѣмец-

кому ордену поводъ вмѣшаться въ междукняжескія отношенія Литовскихъ князей. Нѣмецкій магистръ, покровительствуя Витовту, обѣщавшему признать себя подручникомъ ордена, ежели Нѣмцы помогутъ воротить ему отчину, послалъ сказать Ягайлѣ, чтобы онъ возвратилъ Витовту его отцовскія владѣнія; Ягайло разумѣется не думалъ исполнять приказаній Нѣмца. И магистръ Нѣмецкаго ордена вмѣстѣ съ Витовтомъ вступилъ въ Литовскую землю съ своимъ войскомъ; и лишь перешелъ рѣку Нѣманъ, какъ приверженцы Витовта со всѣхъ сторонъ стали стекаться подъ знамена своего князя. Витовтъ такимъ образомъ скоро завладѣлъ Троками и почти всѣмъ Трокскимъ княжествомъ; но по удаленіи Нѣмецкихъ силъ Ягайло успѣлъ отнять Троки. Витовтъ опять обратился къ Нѣмцамъ, принялъ Латинскую вѣру и уступилъ ордену лучшую часть Литвы и Жмуди; въ слѣдствіе этого самъ Нѣмецкій магистръ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ опять въ Литовскую землю и началась страшная война. Нѣмцы, чтобы укрѣпить за собою Литовскую землю, успѣли уже построить тамъ нѣсколько Нѣмецкихъ замковъ. Тогда Ягайло, видя, что ему не справиться съ двумя врагами, изъ которыхъ у одного было сильное войско, а у другаго расположеніе въ Литовскомъ народѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Витовтомъ, обѣщая ему отдать значительную часть владѣній, только бы онъ отступилъ отъ союза съ Нѣмецкимъ орденомъ. Витовтъ, самъ не любившій Нѣмцевъ, и

только по необходимости вступившій съ ними въ союзъ, не замедлилъ согласиться на предложенія Ягайлы, и въ знакъ согласія сперва захватилъ два Нѣмецкихъ замка, а потомъ, соединивъ свои войска съ Ягайловыми, отнялъ у Нѣмцевъ Ковно, главный и самый крѣпкій городъ въ Литвѣ, и тѣмъ принудилъ Нѣмцевъ удалиться изъ Литовской земли. Помирившись съ Витовтомъ, Ягайло отдалъ ему Полотскъ, Луцкъ и всю Волынскую и Кіевскую землю, и подчинилъ ему всѣхъ тамошнихъ князей, и между другими своего роднаго брата князя Владиміра Ольгердовича Кіевскаго.

Примиреніе Ягайлы съ Витовтомъ имѣло благія послѣдствія для Литовской земли; междоусобія прекратились, Нѣмцы были выгнаны, и Ягайло отправился съ войскомъ мстить Полякамъ за взятіе Дрогичина и Мельника. Этотъ походъ Ягайлы, случившійся во время междоусобій въ Польшѣ по смерти тамошняго короля Людовика, имѣлъ большій успѣхъ; Ягайло страшно опустошилъ Мазовію, проникъ до Вислы, сжегъ Завихвостъ, и поставилъ границу Литовскую, какъ выражается одинъ Литовскій лѣтописецъ, до Бѣлой воды, т. е. до Вислы. Поляки раздираемые междоусобіями нигдѣ не могли противиться напору Литвы и Руси. Вельможи Польскіе, чтобы прекратить и внутренніе раздоры и остановить набѣги Литовскіе учинили сеймъ въ Петркововѣ, и на этомъ сеймѣ положили войдти въ сношенія съ Ягайломъ и предложить ему руку дочери покой-

наго короля Людовика, Ядвиги, которая уже была объявлена Королевою Польши. По такому рѣшенію сейма у Поляковъ начались переговоры съ великимъ княземъ Литовскимъ, о томъ, чтобы онъ вступилъ въ бракъ съ Ядвигою, и вмѣстѣ съ ея рукою принялъ Польскую корону, а для этого перемѣнилъ Православную вѣру и крестился въ Латинство. Властолюбивый Ягайло не задумался принять такое лестное предложеніе Поляковъ и въ 1385 году отправилъ послами въ Краковъ своихъ братьевъ Скиргайла и и Бориса и Виленскаго Градоначальника Ганулу. Посольство это вступило въ переговоры съ Польскими вельможами и Латинскими епископами; переговоры сіи довольно продолжительные покончились на томъ, чтобы Ягайлѣ пріѣхать самому въ Краковъ, креститься тамъ въ Латинскую вѣру, вступить въ бракъ съ Ядвигою, принять Польскую корону и соединить Литву и Русь съ Польшею. Принявши привезенныя изъ Кракова условія, Ягайло на слѣдующій годъ съ братьями своими Свидригайломъ и Коригайломъ и съ двоюроднымъ братомъ Витовтомъ, съ многочисленною и блестящею свитою Литовскихъ и Русскихъ бояръ прибылъ въ Краковъ и тамъ вмѣстѣ съ тремя своими братьями въ костелѣ Станислава крестился въ Латинскую вѣру, при чемъ Ягайло принялъ имя Владислава, Свидригайло Болеслава, Коригайло Казимира и Витовтъ Александра, и въ слѣдъ за ними были крещены въ Латинскую вѣру многіе вельможи и князья Литовскіе, быв-

шіе еще язычниками, но къ Русскимъ вельможамъ и князьямъ, сопровождавшимъ Ягайлу, и къ Литвинамъ, уже принявшимъ Православную вѣру, Латинскіе ксендзы въ Краковѣ не рѣшались и подступать съ предложеніями вѣры. Послѣ крещенія въ Латинство Ягайло Владиславъ вступилъ въ бракъ съ Ядвигою и коронованъ въ Польскіе Короли. На коронаціи онъ далъ торжественное обѣщаніе соединить Литву, Жмудь и Русь съ Польшею и обратить тамошнихъ жителей въ Латинство; но обѣщаніе это, какъ бы ни было торжественно, не имѣло никакой обязательной силы ни для Руси, ни для Литвы, ни для Жмуди; ибо Ягайло далъ его не спросясь народа и князей, не бывшихъ въ Краковѣ, и вовсе не желавшихъ ни соединенія съ Польшею, ни перемѣны своей родной вѣры на Латинскую.

Владиславъ Ягайло, какъ король, остался въ Польшѣ, и въ Литву послалъ Витовта, принявшагȏ Латинство, и роднаго своего брата Скиргайлу Ольгердовича, оставшагося Православнымъ. Первому далъ Гродно, Дрогичинъ, Берестье, Луцкъ, Владиміръ и всю Волынскую землю, а второму Троки съ Жмудью и Литвою. Это раздѣленіе областей съ перваго же раза поселяло вражду, ибо области преимущественно съ Православнымъ населеніемъ были переданы Латынину, области же еще въ большинствѣ, державшемся старой языческой религіи, перешли къ Православному; впрочемъ на первый разъ эта вражда еще не выказывалась, она развилась въ послѣдствіи

и породила междоусобія, въ которыхъ Поляки думали ловить рыбу въ мутной водѣ. Между тѣмъ магистръ Нѣмецкаго ордена, недовольный сближеніемъ Ягайлы съ Польшею, соединился съ Андреемъ Ольгердовичемъ, бывшимъ княземъ Полотскимъ, не желавшимъ признать надъ собою власти Ягайлы Латынина, началъ опустошать Литовскую землю и взялъ Любомль, а Полотскъ самъ призналъ власть своего прежняго отчиннаго князя; но соединенныя силы Скиргайлы и Витовта остановили успѣхи Нѣмцевъ и Андрея, сперва палъ Любомль, а потомъ и Полотскъ, при чемъ Андрей потерялъ сына, павшаго въ бою, и самъ попался въ плѣнъ, отосланъ въ Польшу и тамъ засаженъ въ темницу.

Въ 1387 году, по прекращеніи междоусобій, прибылъ въ Литву самъ Ягайло съ своею супругою Ядвигою, съ архіепископомъ Гнѣзненскимъ, со множествомъ Латинскаго духовенства, въ сопровожденіи Польскихъ князей и вельможъ и съ значительнымъ Польскимъ войскомъ. Прибывши въ Вильну, Ягайло передъ городомъ собралъ вѣче, на которомъ язычники Литвины долго спорили съ своимъ княземъ относительно принятія Латинской вѣры, отстаивая своихъ дѣдовскихъ боговъ; Ягайло, не видя успѣха въ спорахъ, приказалъ прибывшему съ нимъ Польскому войску разрушить языческіе жертвенники и храмы и истребить идоловъ. Не вооруженная толпа народа, видя что ихъ дѣдовскіе боги не защищаютъ сами себя, наконецъ согласились принять Ла-

тинское крещеніе; и Ягайло приказалъ крестить сперва Виленцевъ, а потомъ тоже сдѣлать и въ другихъ городахъ, гдѣ были язычники. По этому приказанію были окрещены всѣ Виленскіе язычники, составлявшіе половину населенія Вильны. Но Латинскіе монахи, прибывшіе съ Ягайломъ, недовольствуясь крещеніемъ язычниковъ, принялись было силою обращать въ Латинство и другую половину жителей Вильны исповѣдывавшихъ уже Православную вѣру Греко-Россійской церкви, и тоже стали дѣлать въ другихъ городахъ. Таковые поступки Латинскихъ монаховъ сильно взволновали князей, бояръ и народъ, исповѣдывавшихъ Православную вѣру, и частныя сопротивленія уже грозили всеобщимъ возстаніемъ Православныхъ; Ягайло, испугавшись общаго возстанія, немедленно приказалъ прекратить обращеніе Православныхъ въ Латинство. Тѣмъ не менѣе Латинское духовенство убѣдило Ягайлу издать законъ, по которому Русскія женщины и дѣвицы, выходящія за мужъ за Латынцовъ, должны принимать Латинскую вѣру, а равнымъ образомъ Рускіе или Православные Литвины, вступающіе въ бракъ съ Латынянками, должны принимать Латинскую вѣру. За тѣмъ Ягайло построилъ въ Вильнѣ Латинскій каѳедральный костелъ во имя св. Станислава, учредилъ въ Вильнѣ Латинскую архіепископскую каѳедру и семь каѳедръ епископскихъ по другимъ Литовскимъ городамъ, и назначилъ епископовъ изъ Поляковъ, приписалъ къ Латинскимъ каѳедрамъ и

костеламъ разныя имѣнія и доходы, потомъ поѣхалъ въ разные Литовскіе и Русскіе города распространять Латинство и усмирять недовольныхъ, которыхъ было много, разставилъ по мѣстамъ свои гарнизоны изъ Поляковъ и Литвиновъ, принявшихъ Латинство, и проживши въ Литвѣ два года, уѣхалъ въ Польшу.

Но лишь Ягайло возвратился въ Польшу, какъ Литовская земля стала волноваться: недовольные введеніемъ Латинской вѣры и соединеніемъ Литвы съ Польшею, Литвины и Русскіе ждали только удобнаго случая начать возстаніе. Между тѣмъ сами князья, оставленные Ягайломъ управлять Литовскою землею, не ладили другъ съ другомъ. — Скиргайло, не перемѣнившій Православія на Латинство, любимый Русскими и Литовцами, исповѣдывавшими Православіе, князь доблестный, воинственный и страшный для враговъ, былъ не расположенъ къ Витовту, по крайней мѣрѣ сему послѣднему наговаривали, что Скиргайло ищетъ способовъ извести его. Витовтъ съ своей стороны опасался не одного Скиргайлы, но и самаго Ягайлы, который не давалъ ему грамотъ на уступленныя области, не соглашался придать ему сосѣдней волости Волынскаго князя Любарта, и даже заключилъ въ оковы его посланца и вымучивалъ у него показаніе о сношеніяхъ Витовта съ Московскимъ княземъ, своимъ зятемъ. Все это заставляло Витовта, наученнаго прежними опытами, не дожидаться ожидаемыхъ напа-

деній, а напротивъ самому поспѣшить возстаніемъ. А посему, воспользовавшись отъѣздомъ Скиргайлы въ Полотскъ, онъ напалъ Нерономъ на Вильну, думая захватить ее нечаянно; но не успѣвши въ этомъ онъ увидалъ себя въ такомъ положеніи, въ которомъ ему оставалось одно, бѣжать изъ своихъ владѣній; и онъ, укрѣпивши достаточными гарнизонами Гродно и Берестье, со всѣмъ своимъ семействомъ и дворомъ бѣжалъ сперва въ Мазовію, а потомъ къ Нѣмецкимъ рыцарямъ, и отдавши имъ подъ залогъ Гродно и Жмудь, просилъ ихъ пособить ему въ войнѣ съ двоюроднымъ братомъ Ягайломъ. Нѣмцы, ненавидѣвшіе Ягайла за его союзъ съ Польшею, опасный для ордена, и вообще довольные случаемъ вмѣшаться въ Литовскія дѣла, въ чаяніи хорошей поживы, съ готовностію дали убѣжище Витовту и обѣщались помогать ему.

Между тѣмъ бѣгство Витовта раздѣлило Литву и Русь на двѣ партіи, одна партія приняла сторону Ягайлы, а другая Витовта. Ягайло, опасаясь за Вильну, чтобы партія противная ему не передала города Витовту и Нѣмцамъ, ввелъ туда Польскій гарнизонъ и отдалъ городъ въ полное управленіе своему намѣстнику изъ поляковъ, подозрительныхъ людей удалилъ, и даже отказалъ въ управленіи Вильною своему брату Скиргайлѣ. Потомъ Ягайло, еще зимою, самъ явился въ Литву съ Польскимъ и наемнымъ войскомъ, и послѣ упорнаго сопротивленія взялъ принадлежавшіе Витовту города Берестье и

Каменецъ, за тѣмъ осадилъ Гродно, и стоялъ подъ городомъ цѣлый великій постъ, куда къ нему въ станъ прислали свои Литовскіе и Русскіе полки его родные братья Скиргайло и Владиміръ, а Корибутъ князь Новагородка Литовскаго самъ прибылъ въ станъ съ превосходно вооруженною дружиною. Витовтъ съ нѣмцами приходилъ было выручать осажденныхъ защитниковъ Гродно, но ничего не успѣвши, принужденъ былъ удалиться; и осажденные, не имѣя уже болѣе надежды на помощь и находясь въ крайности, наконецъ сдались на пятый день праздника пасхи. Но взятіемъ Гродно дѣло далеко еще некончилось. На другой (1390) годъ Нѣмецкіе рыцари, собравши сильное войско изъ своихъ и изъ пришельцевъ съ разныхъ краевъ Западной Европы, вошли съ Витовтомъ въ Литовскую землю тремя ратьми. Одну велъ самъ магистръ Нѣмецкаго ордена Конрадъ Валенродъ, другую магистръ Ливонскій и третью Витовтъ. Рати сіи сошлись у Ковна, оттуда пустились къ Трокамъ, и сожегши этотъ городъ направились къ Вильнѣ. Здѣсь на берегу Виліи Скиргайло съ своимъ братомъ Витолтомъ думалъ было загородить имъ дорогу, но разбитый принужденъ былъ отступить; и Нѣмцы осадили Вильну, взяли нижній городъ при помощи Витовтовой партіи между жителями, которые сами зажгли городъ и такимъ образомъ помогли Нѣмцамъ ворваться. Но верхній городъ, или крѣпость, защищаемая отборнымъ польскимъ гарнизономъ, держалась твердо, и

не смотря на пушки и другія осадныя орудія, привезенныя Нѣмцами, удержалась до 8 Ноября, когда Нѣмцы за зимними холодами принуждены были воротиться домой, предоставивъ Витовту вести мелкую войну на границахъ, въ чемъ впрочемъ ему помогалъ и командоръ пограничнаго Прусскаго города Рагнеты.

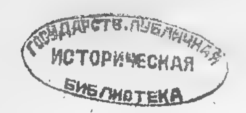
Въ 1391 году магистръ Нѣмецкаго ордена Конрадъ Валенродъ собралъ сорокъ шесть тысячъ войска и снова вступилъ въ Литовскую землю, къ нему опять присоединились Витовтъ съ Жмудью и Ливонскій магистръ съ своимъ войскомъ и опять пошли къ Вильнѣ; но по прежнему не имѣли успѣха. Литовцы сами опустошили всю страну около Вильны на пять миль въ окружности; и великій магистръ, не видя возможности прокормить свое войско въ опустошенной странѣ — воротился назадъ и за нимъ разумѣется пошли Витовтъ и Ливонскій магистръ; на возвратномъ пути Витовтъ взялъ Вилькомиръ и сжегъ его. На зиму въ томъ же году Нѣмецкій магистръ съ Витовтомъ снова появились въ Литовской землѣ и построили три деревянныхъ крѣпости по Нѣману около Ковно, чтобы оттуда ближе и удобнѣе дѣлать набѣги и опустошенія. Изъ сихъ трехъ крѣпостей двѣ магистръ поручилъ двумъ Нѣмецкимъ командорамъ, а третью передалъ Витовту. Витовтъ, засѣвши въ своей крѣпости съ князьями, боярами и воинами, началъ оттуда дѣлать безпрестанные набѣги и опустошать несчастную стра-

ну. Онъ довелъ свои опустошенія до того, что Ягайло, чтобы не поморить голодомъ гарнизоны и жителей, принужденъ былъ ежемѣсячно присылать изъ Польши хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. Такое безотрадное положеніе цѣлаго края наконецъ въ 1392 году вызвало Ягайлу привлечь къ себѣ Витовта какими бы то ни было пожертвованіями, и отвлечь его отъ союза съ Нѣмецкими рыцарями. Для веденія тайныхъ переговоровъ объ этомъ дѣлѣ былъ выбранъ князь Мазовецкій Генрихъ, сватавшійся къ сестрѣ Витовта Рингалѣ; онъ пріѣхалъ къ Витовту, чтобы сыграть свадьбу, прожилъ у него три недѣли; и въ это время пересказалъ, что Ягайло уступаетъ ему всю Литовкую землю, только бы онъ отсталъ отъ союза съ Нѣмцами, и такъ умѣлъ убѣдить къ миру съ Ягайломъ и увѣрить его, что всѣ обѣщанія Ягайлы будутъ непремѣнно исполнены, что Витовтъ немедленно перехваталъ и перевязалъ всѣхъ бывшихъ въ его городѣ рыцарей и нѣмецкихъ купцовъ, и ежегъ крѣпость, которую держалъ отъ имени ордена, потомъ взялъ и сжегъ и другія двѣ крѣпости, построенныя Нѣмцами на Нѣманѣ. Получивши вѣсть о такомъ блестящемъ успѣхѣ тайныхъ переговоровъ, Ягайло отправился въ Литовскую землю, встрѣтился съ Витовтомъ около Острова, гдѣ оба примирились. и отправились вмѣстѣ въ Вильну. Въ Вильнѣ Ягайло передалъ Витовту все Литовское княжество, т. е. всѣ бывшія еще за Литвою владѣнія Гедимина и Ольгерда, и вывелъ от-

туда Польскихъ намѣстниковъ и Польскія войска, обязавши Витовта клятвою и крестною грамотою не отдѣлять Литвы отъ Польши. Такимъ договоромъ крайне былъ огорченъ родный Ягайловъ братъ Скиргайло, прежній правитель Литовскаго княжества, по вѣрѣ православный и любимый народомъ; онъ при помощи своихъ многочисленныхъ сторонникоoъ началъ враждовать противъ Витовта. Но эта вражда была прекращена посредничествомъ Ягайлы и Ядвиги; при помощи этого посредничества Скиргайло отказался отъ Литвы и получилъ Кіевъ, Кременецъ, Стародубъ и Старые Троки съ титуломъ Великаго князя Русскаго, но съ обязательствомъ слушаться Витовта, и Витовтъ добылъ оружіемъ Скиргайлу Кіевъ, котораго не хотѣлъ уступить ему тамошній князь Владиміръ Ольгердовичъ. Такимъ образомъ окончательно состоялся союзъ Литовской Руси съ Польшею и притомъ съ явнымъ стремленіемъ Польши подчинить себѣ Литовскую Русь; но союзъ этотъ былъ только въ княжескомъ домѣ, народъ же, какъ Литва, такъ и Русь, во все не думалъ о соединеніи съ Польшею и стоялъ къ Полякамъ враждебнѣе прежняго. Съ этаго именно времени начинается та почти пяти вѣковая борьба Западной Православной Руси съ Латинскою Польшею и постоянныя хлопоты и разныя продѣлки Поляковъ и ихъ ксендзовъ ополячить и олатынить Западную Русь. При Витовтѣ же былъ отравленъ Латинскамъ монахомъ непреклонный ревнитель правосла-

вія Кіевскій князь Скиргайло Ольгердовичь, при Витовтѣ же Западная Русская Церковь была отдѣлена отъ восточной, и назначенъ для Западной Руси особый православный митрополитъ. Но ни борьба Руси съ Латинствомъ и польщизною, ни происки и продѣлки Поляковъ и ксендзовъ не входили въ планъ моего разсказа; и я прекращаю свой обзоръ исторіи Западной Руси на внѣшнемъ соединеніи Литвы съ Польшею. А что было послѣ, что вынесла Западная Русь и Литва отъ этого противу естественнаго соединенія, объ этомъ конечно не замедлятъ разсказать мѣстные Русскіе ученые, хорошо знакомые съ книгохранилищами и архивами Западнаго края.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Читай.
13	22	отучили	отучали
14	8	пріучать	проучать
27	20	съ Изяславомъ	къ Изяславлю
—	24	Лагожсѣ	Логожскъ
29	17	признавшихъ	признававшихъ
31	16	продалъ	придалъ
33	15	помѣнять	не мѣнять
—	29	вступился	вступится
48	17	и	о
—	26	выточили	выскочили
52	17	Полотскими	Галицкими
64	29	Полотскія	Польскія
83	5	частной	честной
87	20	Литны	Литвы
89	6	Литовскимъ	Московскимъ
116	3	Нерономъ	изгономъ

